Ботаник

Автор:
Евгений Щепетнов

Ботаник

Евгений Владимирович Щепетнов

Ботаник #1

Кем я служил? Трудно так сразу сказать… чистильщик? Наверное, так. Кто-то ведь должен подчищать дерьмо за облажавшимися коллегами. И кто-то должен делать то, что делал я.

Нет, не только убивать – хотя это очень важная составляющая моей работы. Уметь устранить негодяя всеми возможными и доступными методами – этому учат в Академии (как мы ее называли) в первую очередь. Но еще – ты должен соображать, должен уметь разобраться с ситуацией, и если возможно – не допустить смертей. Ну а если другого выхода нет…

Евгений Щепетнов

Ботаник

Пролог

Торопиться некуда. Апрель – тепло, солнце! Хорошо!

Дома меня никто не ждет, ни жены, ни детей…никого нет. Хоть сутками напролет гуляй. Или вообще исчезни – никто не поинтересуется, где ты, и что с тобой. Кроме электросетей и газовой компании – но им от тебя нужны только деньги, совсем не ты.

Ною? Ничуть. Констатирую факт. За свою долгую жизнь я хоронил товарищей, сослуживцев, просто знакомых, и прекрасно понимаю, насколько скоротечная наша жизнь, и как слабы мы перед Провидением. Грех жаловаться! Мне семьдесят лет, но я бодр, прекрасно себя чувствую – в отличии от многих и многих гораздо более молодых мужчин и женщин. Каждый день подолгу гуляю, да и гантели мои не залеживаются. И в спортзал хожу – тренажеры, боксерский мешок, все, как полагается. И любовница есть – даже две. Одной двадцать лет, другой тридцать пять. Я всегда отличался даже можно сказать излишним содержанием тестостерона, хотя и умел его «держать в узде». Не смешивал службу и развлечения. Хотя и не упускал случая покувыркаться с понравившейся мне женщиной.

А семьи не нажил. Вначале это мешало работе – нелегал, который постоянно ходит по лезвию ножа – какая ему семья? Семья – это потом, когда выйдешь в тираж, когда получишь свою законную пенсию. Или когда тебя выпрут в народное хозяйство – так у нас это называлось.

Кем я служил? Трудно так сразу сказать…чистильщик? Наверное, так. Кто-то ведь должен подчищать дерьмо за облажавшимися коллегами. И кто-то должен делать то, что делал я.

Нет, не только убивать – хотя это очень важная составляющая моей работы. Уметь устранить негодяя всеми возможными и доступными методами – этому учат в Академии (как мы ее называли) в первую очередь. Но еще – ты должен соображать, должен уметь разобраться с ситуацией, и если возможно – не допустить смертей. Ну а если другого выхода нет…

С кем можно сравнить? Если только с ниндзя, но вообще-то эти самые ниндзя киношная сказка. Мы не умеем летать, не умеем колдовать. Но убивать умеем не хуже, чем эти самые голливудские киношные парни.

Когда к власти пришел мерзавец, помеченный каиновой печатью на башке, первое, что он сделал – это отдал приказ Бакатину уничтожить КГБ, и вместе с

ним – силовые структуры ПГУ (Первое главное управление КГБ СССР, занималось внешней разведкой), справедливо полагая, что основная опасность для него исходит именно оттуда. Он верно сделал. Если бы нам отдали приказ убрать этого болтуна, он прожил бы не больше недели. Смерть от остановки сердца, или от почечной недостаточности – и никаких следов. Органические яды, в которых мы разбираемся более чем достаточно, разлагаются в организме за считанные минуты, не оставляя после себя ни малейшего следа – если не знать, как и что искать. Но такого приказа не было. А мы не убивали без приказа – если только не спасаем свою или чужую жизнь.

Мне было сорок два года, когда меня сократили, как и многих армейских офицеров. Я проходил по третьему уровню биографии – по самой первой версии числился полковником строительных войска. По второму уровню – специалист-силовик в ведомстве КГБ. Третий уровень, до которого не добрались агенты Бакатина, и материалы которого хранились в недрах ПГУ – настоящая фамилия, и все сведения обо мне, начиная с места рождения и настоящего имени, и заканчивая местом проживания, привычками и склонностями. Слава богу, эти документы были уничтожены моим непосредственным руководителем, начальником отдела генералом Ивашовым. С которым я потом сотрудничал долгие годы.

Выбросили меня в народное хозяйство как жестокие хозяева несчастного пса. Жри что хочешь, живи как хочешь. Небольшая пенсия, годная только для того чтобы оплатить коммунальные услуги, и более ничего. Если бы я и вправду был этим самым полковником из стройбата, туго бы мне пришлось. Но специалист моего уровня всегда найдет себе работу. Начались лихие девяностые, когда создавались и терялись огромные состояния, когда люди решали свои проблемы не обращаясь к правоохранительным органам, потому что не было ни права, ни этих самых органов, разложенных, развращенных шальными деньгами и тупостью власть имущих. Бандитизм, право сильного, деньги, которые решают все.

Да и кроме того – у меня имелись накопления, и очень даже неплохие. Двадцать лет в службе внешней разведки – часть денег шла на банковский счет, и не только в рублях. А кроме того…я знал местонахождение нескольких тайников, которые закладывались еще в советское время на случай войны и оккупации территорий. В этих тайниках было все, что нужно диверсанту и нелегалу – начиная с оружия и взрывчатки, и заканчивая золотыми изделиями и валютой многих стран. Кольца, перстни, золотые монеты – все, что можно легко и

безопасно продать, все это имелось в закладках, и я знал расположение восьми из них. И мог воспользоваться содержимым в любой момент. И пользовался.

А потом на меня вышел генерал Ивашов. Бывший генерал Ивашов. Он нашел меня, хотя я и спрятался в провинциальном городе, оборвав все свои связи. Нашел, и предложил мне работу по профилю. Нет, не просто киллером, который устраняет всех, за кого хорошо проплатили. Насколько я понял, организация, которую создал Ивашов, была чем-то вроде небольшой военной компании— полугосударственной, получастной. Он принимал заказы и от частников, и от государственных структур, которые не хотели засветиться. Государственные структуры хотели избавиться от некоторых вредных личностей, прячущихся за рубежом, а еще – уничтожить особо зарвавшихся уголовных авторитетов, совсем уже потерявших берега. Этих убирали и в СНГ, и там, где их настигнут – мочили по сортирам.

Тут и Чеченские войны подоспели…работы было – море! И оплачивалась она не в пример выгоднее, чем тогда, когда я служил государству, будучи бравым полковником.

Что касается частников – тут было вообще океан работы. Начиная с устранения тех же зарвавшихся бандюганов, желавших выпить кровь у добропорядочного бизнесмена, способного заплатить за наши услуги, и заканчивая возвращением заложников, украденных чеченскими бандитами требующими выкупа.

По-настоящему я «вышел на пенсию» уже на седьмом десятке. Просто надоело. На кой черт мне рисковать, если денег у меня столько, что я их за всю оставшуюся жизнь не потрачу? Да и две дырки в организме, плюс три ножевых ранения доказали мне, что с годами реакция не становится лучше. После того, как отлежал в зарубежной клинике битый месяц, решил: все! Завязываю! О чем и сообщил Ивашову.

Генерал слегка расстроился, но только слегка. Явно он уже ожидал чего-то подобного. И в самом деле – сколько можно? До самой смерти валить этих подлецов? Нет, так не бывает. Сколько веревочке не виться…очень уж не хочется помереть раньше времени, или закончить свою жизнь где-нибудь на зоне. Что впрочем равносильно преждевременной смерти. Скорее всего, с зоны я уже не вернусь.

Вот и живу – тихо, спокойно…езжу на рыбалку, купил себе лодочку с мотором, домик в пригороде… Джип чтобы таскать прицеп. Живу – насколько меня хватит. Полюбил сельскую жизнь – неожиданно для себя увлекся садоводством. Навыписывал фруктовых деревьев, насажал – сливы, груши разных видов! Учусь прививать, учусь…созидать. Хватит только уничтожать! Теперь – только хорошее, только позитив!

Читаю книжки – все больше фантастику, в прошлой жизни мне было не до книжек. А теперь – как прорвало, глотаю одну за другой. Хорошо! Только иногда будто под ложечкой сосет – адреналина не хватает, что ли? Или неистребимое чувство справедливости говорит: «Вот взять бы, да свернуть башку этому толстомордому политикану! Чтобы сука думал, что говорит!» Жалко, что чистильщик не имеет права по своему пониманию убирать человеческий мусор – иначе он долго не проживет.

– Уйдите! Отстаньте от меня! – услышал девичий голос. Поморщился – вот этого только не хватало! Такой ясный апрельский день, солнце, все тает – и какие-то суки портят настроение окружающим!

Тут рюмочная, которую недавно открыл какой-то непонятно откуда вынырнувший кавказец. Крутят шаверму, продают спиртное в розлив – сомневаюсь, что имеет лицензию на торговлю разливной бормотухой. Как следствие – у шинка начали кучковаться сомнительные личности, ну как мухи на дерьмо летят! Ну а где собирается такое быдло – жди неприятностей.

Вздохнул еще раз, и пошел на звуки сражения. Заглянул за угол кирпичного строения, и тут же уткнулся взглядом в спины пятерых парней, примерно шестнадцати-двадцати лет от роду. Как их там называют – ауешники? Мода такая пошла, парни невеликого ума вдруг ударились в уголовную «романтику». Не знаю, что там такого романтичного в сидении на нарах в камере, где воняет потом, немытыми носками и застарелым табачным дымом (было, да…), но вот же – нашлись так сказать адепты этого идиотизма! Одни дебилы ходят с белыми ленточками и взахлеб вопят за своего лидера Сисяндра, другие ботают по фене и мечтают усесться на нары. И что вот с такими идиотами делать? Жизнь научит? Да прежде чем научит, они столько наворотят, что ни один бульдозер их дерьмо не своротит!

Девчонка отчаянно отбивалась – на вид лет пятнадцать, аккуратненькая, домашняя, видно, что никаким боком не относится к этой компании. Но

сражалась отчаянно – пыталась врезать ногой старшему, самому высокому из гоп-компании, прыщавому рыжему юнцу. Отбивала руки другого, который пытался задрать ей юбку. Глаза голубые, яркие, как весеннее небо. Хороша! Эх, где мои пятнадцать лет? Когда-то целовался я с такой девчонкой…встретил ее через двадцать лет. Она шла держа за руку двух таких же яркоглазых и румяных девчонок, девчонки хохотали и глаза их сверкали, как бриллианты. И так мне тогда стало горько! Ведь она могла быть моей! А эти девчонки – моими дочерьми. Но не сложилось. Я ушел в армию, и…так из нее и не вернулся.

– Эй, парни, отвалите! – скомандовал я, очень надеясь, что обойдется без мордобоя.

– Чеооо?! – старший повернулся ко мне, остальные продолжили удерживать девчонку – Старый, свали отсюда! А то обижу! Я так-то стариков не трогаю, но ты внатури оборзел! Считаю до трех! Не свалишь, щас башку разобью, старый пень!

– Я сказал – отвалите от девчонки! – продолжаю я спокойно, расслабляясь, как всегда перед боем. В голове спокойно, мысли улеглись по своим местам, не мешая рефлексам заниматься тем, чем им положено заниматься.

– Ну, ты достал! – парень шагает ко мне, в его руке блеснул длинный узкий клинок. Ну ни хрена себе оборзели эти ауешники, или кто они там! С ножом! На деда!

Замахивается, бьет коротко, и даже умело, целясь в печень. Блокирую удар, бью сам, целясь в гортань костяшками подогнутых к ладони пальцев. Само собой – попадаю, этот удар отработан просто до уровня инстинкта. Парень хрипит, ушибленная гортань не дает дышать. Мог бы и убить, но зачем мне труп? Парень падает, и тогда остальные четверо бросаются на меня. У двоих ножи, у их «коллег» – телескопические дубинки.

Все как в тумане. Не тот я уже, черт подери, не тот! И в лучшие годы пятеро отморозков с ножами и дубинками – это было бы тяжело, но сейчас, после ранений, в семьдесят лет?! Перебиваю переносицу одному, тому, что с дубинкой и уже замахнулся.

Блокирую удар ножа второго, бью ему в висок что есть силы, чтобы не встал…третий получает удар в солнечное сплетение – прямой, ногой. И тут же чувствую резкую жгучую боль в груди. Все. Попался! Конец. Но прежде…

Ломаю руку, которая держит заточку, подтягиваю к себе ублюдка, и одним движением ломаю ему шею. Тут же уклоняюсь от удара дубинкой последнего оставшегося на ногах отморозка, бью в гортань, и тоже сворачиваю шею негодяю.

Первый, которому я ударил в гортань шевелится на земле, и у в моем затухающем сознании вспыхивает яркая мысль: «Я сдохну, а ты будешь жить?! Не бывать этому!» Пошатнувшись, шагаю к парню и ударом каблука ломаю ему шею. Со вторым, что получил удар в живот – проделываю то же самое – мне теперь все равно. Все, вот теперь можно уходить. Теперь – все. Вышел на пенсию, называется.

В последний раз посмотрел на яркую, наборную рукоять, торчащую из груди, и…начинаю уплывать. Сердце, рассеченное заточенным до остроты иглы металлом затрепетало в последний раз, как мотылек, сгорающий в пламени свечи и остановилось.

Нет – никакой киноленты с моей жизнью не промелькнуло перед моими глазами. Глупости это все, я знаю. Последней мыслью было: «Все, пи…ц!». И я умер.

* * *

Девчонка, которая заворожено смотрела на происходящее, наконец очнулась и завизжала. Визжала она долго, зажимая уши и закрыв глаза, но на ее визг никто не пришел – как и раньше, когда грязные пальцы подонков шарили у нее в трусиках. Никто – кроме этого незаметного, худощавого старика, лежащего теперь у ее ног.

Она дрожащими руками достала из сумочки смартфон, с трудом набрала номер полиции и несколько минут, срывающимся, дрожащим голосом рассказывала о том, что здесь произошло. У нее был порыв убежать, забыть все как дурной сон, но посмотрев на старика, она отбросила эту идею. Это будет как-то…неправильно. Она должна рассказать людям, что здесь случилось и как

погиб этот человек.

Скоро на пятачке за магазином стало тесно от набежавших, наехавших полицейских. Оперативнику, который прибыл на место вместе с криминалистом и прокурорским следователем, пришлось даже наорать на участкового и патрульных полицейских, норовивших затоптать место происшествия.

Потом начали скапливаться любопытные – алкашня, работники магазина и просто случайные прохожие. Откуда-то, как воронье на падаль, прилетели и репортеры. Все снимали на телефоны, вытягивая шеи, вставая на цыпочки, будто это могло помочь им как следует все рассмотреть.

Девчонка рассказала о том, как все случилось. Опер недоверчиво мотал головой – старик голыми руками убил пятерых отморозков, каждый из которых выше его минимум на полголовы?! Головы им свернул?! Что это за терминатор в «Аляске»?!

Посмотрел документы. Военный пенсионер Фролов Максим Леонидович. Бывший полковник. Мда…настоящий полковник! Уработал пятерых, да еще и самого последнего – уже фактически будучи мертвым. Силен, дед! Жаль…уходит старая гвардия, теперь таких не делают. Железные люди!

Посмотрел его смартфон…никаких записей в контактах. Кроме одной: «Игошин». Позвонил, представился, рассказал о происшедшем. На той стороне трубки хрипловатый мужской голос бесстрастно сказал: «Информацию принял». И отключился. Больше этот номер не отвечал – «Абонент недоступен».

На следующий день в УВД появился скромно, но явно очень дорого (если присмотреться и понимать) одетый седовласый человек, представившийся Игошиным Константином Петровичем. Он предоставил следователю, ведущему дело об массовом убийстве на улице Продольной документ, в котором было указано, что ныне покойный Фролов доверяет Игошину распоряжение его имуществом и его телом – так, как Игошину заблагорассудится. Игошин пожелал сразу же забрать тело для погребения, но следователь воспротивился – это ведь не по закону. Игошин ушел. А через час следователю позвонили с самого верха те, кому он никогда и ни за что не мог отказать. Тело Фролова забрали, но следователь в общем-то и не расстроился – вскрытие было уже проведено, да и так все было предельно ясно. По крайней мере – для следствия.

А на следующий день было написано отказное за смертью всех фигурантов. Следователю было любопытно, кем же был этот таинственный Фролов, который сумел расправиться с бандой отморозков, длительное время терроризировавших весь микрорайон, но он понимал, что лучше не совать свой нос туда, где его быстро прищемят. Вспомнить только звонок сверху. И он не сунул. Дело было закрыто.

Фролова похоронили на местном кладбище, поставили крест, ведь он все-таки был православным, хотя и никаким не Фроловым. Вероятно, этот человек уже и сам забыл, какое имя ему дали при рождении. Но это все неважно. Он был одним из тех немногих, кому генерал Игошин доверял так же, как и себе самому. И потому он должен был отдать ему последний свой долг. Надеясь, что когда умрет он сам – кто-нибудь из соратников проводит его в последний путь.

А еще он даже немного позавидовал: соратник умер как настоящий воин, как викинг, в бою, уничтожив кучу врагов! И если есть на том свете Вальхалла – он должен воскреснуть, чтобы снова и снова вступать в схватку с врагами!

Иначе нет в мире никакой справедливости кроме той, которую ты устанавливаешь своими руками.

Глава 1

«Все, пи…ц!» – мысль билась в голове, которая трещала так, будто ее сжимали тисками. Я застонал, судорожно вздохнул и попытался открыть глаза. Глаза открывались трудно, а когда открыл – увидел только белую муть и в ней плавающие надо мной розовые шары, в которых я с трудом смог определить человеческие лица. Нет, я помнил все – и последний хруст свернутой шеи врага, и рукоять заточки, торчавшей у меня в груди. И злобную ярость на самого себя – как я мог пропустить удар?! Старикашка поганый! Позорник! Какой-то жалкий ублюдок, дилетант смог меня зарезать! Кто я после этого?! Тьфу на меня! Впрочем – от неожиданностей никто не застрахован. И жалкий мальчишка, ничтожный человечек и никакущий стрелок, может убить признанного ганфайтера, грозу всего Дикого Запада – если тому попросту не повезло.

Голоса. Они гудели, слова метались в воздухе, лезли мне в уши, но я не понимал ни одного сказанного слова. Знал, что должен их понимать, казалось – напрягусь, подумаю как следует, и пойму! Но ничего не получалось. Просто набор звуков, и все тут!

Это последствия сотрясения мозга – вдруг возникла у меня мысль – Это я ударился головой, и мозг начал барахлить. Стоп! А как тогда быть с заточкой, вонзившейся в сердце? Как я выжил? Хмм…может клинок рядом прошел, не задел сердца? А что, такое бывает. Я видел и не такие…странные вещи. Я даже видел, как отрезанная голова моргала и сопровождала меня взглядом… Мне потом это зрелище снилось месяц, не меньше.

Я поднял руку, потрогал грудь. Хмм…не больно. И повязки никакой нет. Но движение далось так трудно, так через силу, что…меня затошнило. Я дернулся в спазмах рвоты, но удержался и не выблевал содержимое желудка. Да, от резких движений мне пока что надо воздержаться.

Снова слова – кто-то быстро говорит, но черт подери – я не понимаю ни слова! Что за хрень?! Хмм…удар по голове? Да, голова предмет темный, исследованию не подлежит. Что может случиться после сотрясения? Да все, что угодно!

Наконец, кто-то берет меня за голову – я чувствую его руки у себя на висках, холодные и сухие – и речитативом начинает что-то говорить нараспев. Мне вдруг делается жарко. Так жарко, что пот мгновенно покрывает все тело, и я не сдерживаю стона – АААА! – ругаюсь, пытаюсь вырваться из удерживающих меня рук, но эти руки очень сильные, и я скорее откручу себе голову, чем вырвусь. Ну…так мне кажется. Голова начинает болеть сильнее и сильнее, до дикой, нестерпимой боли, когда хочется выть и материться, а еще – прибить того, кто причиняет такую боль. Чувствую, что сейчас потеряю сознание, но…боль вдруг кончается. В голове ясно, пусто и…возвращается нормальное зрение. И что же я вижу? То, чего не мог ожидать, и во что не могу поверить!

Вокруг меня стоят несколько человек в старомодных, вернее даже средневековых нарядах – таких, как их рисуют историки, как одеваются реконструкторы. Только наряды эти сидят на людях не как на реконструкторах, изображающих средневековье, нет! Видно, чувствуется, что для этих парней такая одежда обычная повседневность, и те кинжалы и мечи, что висят на поясах – не просто какие-то там игрушки, а самое что ни на есть настоящее оружие, бывавшее в деле, – потертое, выщербленное и…смертоносное.

Оружие?! Какое, к черту оружие?! Я только что упал у обоссанного поколениями алкашей угла чертовой рюмочной, упал с заточкой в груди! Какие, к дьяволу, средневековые мужики?! Какие мечи?! Что это за идиотизм?!

Передо мной стоит крепкий мужчина лет за сорок в черном с серебром костюме – не знаю, как назвать этот костюм – камзол? У него на груди висит золотой медальон на крупной, массивной цепи. С уважением прикинул – килограмм весит цацка, не меньше! Если только цепь не дутая. Вот же любят люди такие тяжелые побрякушки! На этой цепи и повеситься можно!

Я никогда не любил украшения. Помню, в одной юмористической книжке прочитал, какой-то кадр написал письмо в журнал, задал такой вопрос: «На каких пальцах надо носить перстни, если число их превышает пять?» Ответ от редакции: «На женских пальцах».

Единственное исключение, которое я себе позволял – это «рабочий» перстень, в котором хранился запасец яда. Всыпал его в стакан супоротивнику, и вуаля! Через несколько часов он покойник. Такие яды обычно бывают с отсроченным на несколько часов, а то и дней – действием. Любой согласится, что было бы идиотизмом отравить собеседника быстродействующим ядом, чтобы тот отбросил копыта прямо здесь, перед убийцей, который неминуемо попадет под полицейское расследование. То ли дело потом – ушел человек, и через несколько часов скончался. Бывает, чего уж там! Время такое. Время стрессов и болезней.

Рядом с мужчиной – несколько мужчин помоложе, но очень на него похожих, и в таких же цветах камзола. Только серебра меньше, и нет медальона.

Отдельно стоял мужчина примерно моих лет – седой, жилистый, с белой расчесанной надвое бородой. Он был одет в свободную синюю рубаху и свободные же синие штаны – похоже что шелковые. На ногах, в отличие от обутых в высокие остроносые сапоги вооруженных парней – что-то вроде мягких кожаных туфлей. Он переминался с ноги на ногу, и было видно, как морщатся сгибаясь его туфли, облегая ногу как вторая кожа. Мокасины, ага.

Старик что-то сказал, обращаясь к старшему, тот кивнул, и меня подняли с пола. Уже будучи в воздухе я обратил внимание на того, кто меня поднял – это был огромный толстогубый мужчина с каким-то детским, даже идиотским

выражением лица. Голова его коротко пострижена – грубо, клочками, а изо рта пахло сырой тухлятиной, как из пасти собаки или кота. И вот еще что – я заметил на его шее украшение, что-то вроде медного ошейника. Этот самый ошейник был начищен до блеска, но предательская зелень там, где он касался кожи, не давала оснований думать, что ошейник сделан из золота. Хотя и блестела эта штука как золотая.

Длинный коридор, местами настолько темный, что мне было непонятно – как этот великан находит в темноте дорогу. Потом через солнечную террасу, с которой открывался вид на сад – с прудом, аккуратно постриженными кустами, высокими пирамидальными деревьями, сразу наведшими на мысль о Сочи, или о ботаническом саде. Тропические деревья, это было видно сразу. А парк красивый, тут двух мнений быть не может. Похож одновременно и на английский парк с его древним газоном, и на какой-то тропический райский уголок, в котором произрастает то, что никогда не будет расти в холодной, туманной Англии.

Чирикали птички, светило жаркое солнце, я покачивался над землей, уже перестав удивляться тому, что со мной происходит. Ощущение было – я во сне. А зачем сопротивляться сну? Проснешься, и все станет как прежде. Только вот куда девать из головы воспоминания о моем последнем бое? Где я однозначно умер? Неужели он мне приснился? Тогда кто эти люди?

От интенсивной мозговой деятельности меня снова затошнило, сознание помутилось и я наконец-то отключился.

Следующий раз я проснулся в маленькой, очень маленькой комнате, потолок которой виднелся надо мной всего в полутора метрах. Этот потолок был разукрашен звездами и солнечными дисками, от которых отходили золотистые лучи, и мне понадобилось минут пять, чтобы понять – никакая это не комната, а я лежу под самым что ни на есть настоящим балдахином на широченной кровати, на которой могут уместиться человек пять, и еще останется место. Настоящий сексодром, мечта свингеров!

А еще обнаружил, что раздет догола, то есть – практически до нитки, и когда слева от меня что-то упало и хриплый голос пробурчал слова, которые я почти узнал, лихорадочно натянул на себя то, чем накрывался (что-то вроде расшитого покрывала) до самого подбородка. Глупо, конечно, я в свои семьдесят лет уже давно не стеснялся показать кому-либо стареющую плоть. Если это нужно для

дела. Какого дела? Да всякого! Постельного, например.

Повернув голову, увидел человека в свободных, широченных, ниспадающих до пола коричневых штанах и в такой же коричневой рубахе, свободной и не стесняющей движений, в плетеных сандалиях на босых, с вздутыми венами ступнях. Черные жесткие волосы человека были собраны в длинный хвост на затылке, и в кончики волос искусно вплетены белые и желтые фигурки – кони, люди, звездочки. Как они держались на волосах – не знаю, наверное, там были какие-то застежки.

Человек повернулся ко мне лицом, и я вдруг непроизвольно то ли хмыкнул, то ли ойкнул, то ли все сразу и вместе. Это была женщина. Морщинистая, со смуглой, красноватой кожей лица, она сразу же наводила на мысль об индейцах, которых добрые англосаксы нормально загнали в резервации, где индейцы могут свободно деградировать, упиваться дешевым виски, паразитируя на халявных казино и на глупых туристах, приехавших за индейской романтикой. Только вот эта мадам совсем не была похожа на деградировавшую индианку, наоборот – в ее черных, жгучих как угли глаза сверкал ум, а еще – хитрость, жестокость и ярость – тогда, когда это понадобится. Откуда я это знал? Знал, да и все тут. И сразу же всплыло имя: Жара. А еще – Скарла.

Жара подошла ко мне, и вдруг бесцеремонно отбросила с меня парчовое покрывало. Я и ойкнуть не успел! Сдернула, и начала ощупывать, что-то приговаривая себе под нос и время от времени матерясь – и опять, откуда-то я знал, что она исторгает из себя отборные ругательства, которые у нас назвали бы матом. Она осматривала меня так внимательно, так пристально, как наверное только прозектор рассматривает интересный, представленный ему для исследования труп. Или как влюбленная, которая в первый раз видит своего парня голым, и внимательно разглядывает, щупает его тело, наслаждаясь процессом, желая как следует рассмотреть перед тем будущим, которого ей не избежать.

Закончив осмотр, женщина довольно хмыкнула, ухмыльнулась и звонко хлопнула меня по голому бедру. И только тогда я увидел на ее шее такой же ошейник, как на великане, тащившем меня на руках. Нет, все-таки не такой. Тот был желтым, медным, этот – белый с чернью, да еще и украшенный причудливой резьбой.

Женщина снова прикрыла меня покрывалом и что-то сказала. И снова я был готов поклясться, что вот-вот пойму, разберу то, что мне сказали, но…не смог. Так бывает – лихорадочно стараешься вспомнить некое слов, имя, или название, а оно ускользает, а оно не дается – будто застряв где-то в каналах, через которые файлы памяти поднимаются в то место, которым я думаю.

Вообще, мне наш человеческий мозг всегда представлялся чем-то вроде живого компьютера. Корка, которой мы думаем и которая находится на самом верху – это что-то вроде экрана, на который из глубин мозга, из его файловых хранилищ передается информация. Если путь к какой-то ячейке заблокирован – ты не можешь вспомнить, сколько ни стараешься. А потом ход вдруг открывается, и…ты вспомнил! Счастлив!

Утрирую, конечно, какой-нибудь биолог, исследователь мозга посмеется над моими дилетантскими высказываниями, но я и не утверждаю, что являюсь специалистом-мозговедом. Я много читал, думал – тем более что на заслуженном отдыхе ничего и не остается, кроме как читать и думать. И вот – пришел к своему дилетантскому выводу. Кто может обосновать лучше – сделайте это, а не трепите зря языком. Сдается мне, что эти большеголовые шаманы-ученые только пыжатся, надувают щеки, изображая, что знают все на свете. А на самом деле такие же дикари, как…настоящие дикари. Только изображают знание, чтобы сильные мира сего отслюнявили им побольше бабла. Как всегда – все упирается в бабло.

Женщина отошла, стала возиться у столика в дальнем углу комнаты (огромной комнаты, надо сказать!), а меня вдруг реально прошибло потом – господи, да что со мной делается?! Я отупел, что ли?! Стал полудурком?! Почему я сразу не заметил, что тело-то мое – НЕ МОЕ! Вместо худого жилистого старика, под морщинистой кожей которого извивались твердые, как из проволока мышцы, в постели лежит молодой парнишка, совсем даже не утруждавший себя физическими упражнениями, белокожий, мягкий-домашний, и без единого следа ранений на теле! По крайней мере – в тех местах, что мне были видны. Одно только порадовало – я НЕ ЖЕНЩИНА, было бы не очень приятно очнуться и обнаружить отсутствие на своем законном месте мужского достоинства, всю жизнь доставлявшего мне и удовольствие, и душевное расстройство, когда ты с трудом избавляешь от мысли о сексе, и тебе надо усиленно думать о том, как бы поточнее и быстрее выполнить задание. Нет, я никогда не думал головкой – только головой – но кто бы знал, каких усилий иногда мне стоило думать обычным, понимаешь ли, способом!

Гладкие ноги, гладкий, пухленький живот…вот же…!

Интересно, сколько мне лет? Тут вообще зеркала есть? Выпрастываю из-под одеяла свои руки, рассматриваю. Само собой – на ладонях никаких мозолей. Явно эта рука не занималась физическим трудом, и спорт для нее тоже чужд. Хотя в общем-то мышцы есть, хоть и дрябленькие, но вполне различимые. Вон, как бицепс натягивает кожу! Пальцы гладкие, ногти красивые, овальные, ухоженные. Интересно – он сам их обрабатывает, или тут есть салоны красоты?

Меня вдруг разбирает смех, я хихикаю, закашливаюсь, и долго не могу успокоиться, будто надышался угольной пыли и теперь кашлем стараюсь вытолкнуть ее наружу. Старуха хмурится, подходит, протягивает мне металлическую кружку. Желтую кружку, наверное медную. Привстаю на одном локте, беру кружку, пью…и задыхаюсь от горечи, вяжущей рот. Сплевываю, ругаюсь, и вижу, как хихикает чертова старуха, одетая в мужскую одежду. И вдруг на меня нападает сонливость. Опускаюсь нам постель, закрываю глаза и проваливаюсь, как в темный колодец.

Следующее пробуждение было более результативным, и более…хмм…я даже не знаю, как это назвать – стыдным? Волнительным? Неудобным? В общем – проснулся я от прикосновения к моему телу чего-то теплого, влажного, и чего греха таить – приятного. Две девушки лет по пятнадцать-шестнадцать стояли надо мной на коленях и сосредоточенно протирали мое тело, макая сложенные в несколько раз тряпочки в подобие небольших кастрюль с ручками, скорее напоминавших походные котелки. От воды, которой меня протирали, приятно пахло чем-то цветочным, руки девушек ласковы и настойчивы, а сами девушки, украшенные медными ошейниками, были милы и одеты во что-то легкое, похожее на длинные рубахи с разрезами по бокам, открывающие смуглые гладкие ноги, приятные на вид и навевающие мысли о…

Мда. Вот что значит молодое тело! Я тут же почувствовал, как восстает мое мужское естество, что заметила стоявшая рядом старуха, наблюдавшая за процессом. Она радостно хохотнула и легонько шлепнула меня по этому самому месту, сказав что-то вроде:

– Ага! Значит, будет жить! Все в порядке! Ишь, как разошелся!

Да не вроде, именно так она и сказала! Ох ты ж…и при этом я понял, что говорила старуха совсем даже не на русском языке. Но я ее понял!

А еще понял, что вдруг, неожиданно для себя, видавшего виды и давно отучившегося стесняться – краснею! Да так, что покрылся краской от самых пяток до…середины туловища, и от середины, до самых кончиков волос. Я красный как рак!

Ах, это молодое тело! Ах, это зашкаливающий, бурлящий в крови тестостерон! Как много вреда он наносит мужчинам! Вначале мучает их прыщами, покрывающими юное тело в период созревания. И тогда кажется, что жизнь прожита зря – кто тебя полюбит, такого прыщастого и угрястого! А потом, когда прыщи исчезают, тебя мучают мысли о том, как хорошо было бы задрать вон ту юбку, или эту юбку, и вообще – все юбки в мире! Лишь бы это был не шотландский килт, и чтобы под юбкой не обнаружилось члена. Остальное – все то, о чем ты думаешь днями и ночами.

Да, не все мужчины такие. Но многие – именно такие. Они как раз и составляют костяк мужского сообщества. Не те вялые и томные пузатые мужички, которым достаточно секса раз в месяц, а то и в квартал, а именно мы – самцы, жеребцы, только и думающие о том, как бы завалить ту, или иную женщину.

Я думал над проблемой, и пришел к выводу – всем человеческим обществом управляет только один инстинкт – инстинкт размножения. Люди рождены, чтобы размножаться. Чтобы увеличивать количество особей своего вида. Как плесень. Как вирус. Как чума. И потому не надо сдерживать свои инстинктивные порывы, просто надо перерабатывать их энергию, пускать свои инстинкты, свою сексуальную энергию на пользу делу.

Мда…а девчонки симпатичные! Хмм…да это ведь рабыни, черт подери! Как я не догадался? Ошейник на шее, простая одежда…и старуха ведь тоже рабыня? А чего она тогда распоряжается?

Пощупал свою шею…нет никакого ошейника! И слава богу. Очень уж не хотелось на том свете оказаться каким-нибудь шелудивым рабом. Но раз я не раб – кто я такой? И ГДЕ Я?!

Опять головная боль, опять ощущение мысли, которую я никак не могу поймать за хвост. Да и попробуй поймай, когда тебя очень даже отвлекают, шаловливыми ручками обрабатывая самое что ни на есть сокровенное место – без всякого стеснения, деловито, будто моют посуду. И да – гормоны у меня просто кипят в крови!

Я вздохнул и дернулся, когда одна из девушек особенно истово начала тереть это самое место. Потише, чертовки! Что за эротические массажи?! А ведь приятно, черт подери…хоть и стыдно. Не было бы старухи, наверное и стыдно бы не стало. Как-то неудобно при ней – извращение, да и только! Сейчас бы схватить эту девку, завалить, подмять под себя, и…

Меня осторожно перевернули на живот, и я облегченно вздохнул, закрыв глаза и чувствуя, как потихоньку, очень медленно спадает возбуждение. Еще бы минуту, и я бы точно разрядился – под смех старухи, и ее молоденьких помощниц. Мда…не хватило минуты. А жаль! Плевать на стыд.

Меня обтерли, растерев толстым полотенцем докрасна – своеобразный массаж. Затем старуха положила на постель рядом со мной костюм, очень похожий на костюмы тех парней, что стояли рядом со мной когда я очнулся в первый раз. Только серебряного шитья на нем было гораздо меньше. Практически не было – серебряные только оторочка воротника и обшлагов рукавов.

Меня приподняли и стали одевать. Прямо на голое тело, никаких тебе изысков вроде трусов и маек. Вначале шелковую рубаху – широкую, будто на четыре размера больше, потом штаны – вроде как обычные, только гульфик широкий, и…отстегивающийся. Распустил шнурок – гульфик – оп! – отпал вниз, выпуская на свободу мужское достоинство. Ну и в обратную…приложил, зашнуровал, стянул, завязал. Долго, да, но похоже что тут пуговиц еще не придумали, все на завязках. Или просто еще не принято на пуговицах?

Носки имелись, но скорее всего их можно назвать чулками. Длинные, до колен, и толстые, явно шерстяные. Будучи военным я знал, что в шерстяных можно ходить и в жару – как ни странно, в них менее жарко, чем в полотняных, и ноги в них так не потеют. А еще – риск натереть ноги, будучи обутым в шерстяные носки гораздо меньше, чем в хэбэшных носках. Но вообще – я бы предпочел портянки. Милое дело – намотал, и хоть куда в них! Сорок километров за день пешком – запросто, вразвалочку! А если переменным аллюром, так и все восемьдесят. Бежишь – идешь, бежишь – идешь. Так можно идти долго и быстро.

Испытано.

Сапоги до колен – мягкие, красивые, тоже черные. И по верху серебряные заклепочки! Мало, но есть. Что бы это значило – количество серебряных украшний? А ведь что-то, да значит!

В дверь постучали, старуха подошла, отодвинула засов (оказывается, было заперто!), выглянула, потом с недовольной физиономией впустила в комнату молоденькую девицу в темно-синем платье, очень симпатичную, бледную, с головой, накрытой чем-то вроде кисейного покрывала (такой платок). Глянув на девушку я понял – сестра! Это – сестра! И мы с ней очень дружим, гораздо больше, чем с теми парнями, что стояли возле меня…братьями?! Точно, это братья! А старший – это отец! Мой отец!

Послезнание хлынуло из меня фонтаном, и я теперь только и успевал, что впитывать знания, поднимающиеся из глубин мозга. Я уже различал, понимал то, что мне говорит сестра!

– Альги, милый, как ты?! Я так перепугалась, когда услышала! Ты в порядке?! У тебя ничего не болит? Лекарь сказал, что ты сильно ушибся головой, но скоро поправишься. Но меня к тебе не пускали! Отец сказал, что ты без сознания и нечего зря мне к тебе ходить! А а я все равно решила к тебе прийти! Скарла, спасибо!

Она обернулась к старухе, и та криво усмехнулась, будто не очень-то и хотела получить похвалу. И вообще относилась к похвалам с брезгливостью и презрением. Однако я чувствовал, что эта старуха ко мне относится очень хорошо, и костьми ляжет, а не даст меня в обиду. Скарла, вот как ее зовут! На языке степняков – «Жара». Степняки. Она из степняков!

В голове возникла картинка – холмы, колышащаяся трава, скачущие во весь опор всадники в лохматых одеждах из шкур. И отец с братьями, которые указывают вперед плетками, горячат коней, а потом срываются с места, гикая и завывая, как дикая безумная орда. Мой конь рвется за ними, следуя примеру своих сородичей, и я как ни стараюсь, не могу его удержать. И как следствие – слетаю с коня, больно ушибаясь и почти теряя сознание.

Скарла на скаку подхватывает меня с земли за шкирку, как котенка, сажает впереди себя, придерживая одной рукой, а когда не догнавшие степняков отец и братья возвращаются во главе отряда из полусотни человек, сердито выговаривает, не выбирая выражений и не заботясь о том, что ей может прилететь от своего хозяина.

Кто она, и кто этот человек, которому подчиняются сотни и тысячи бойцов! Ничтожная рабыня, и ее великий господин! Но он, как ни странно ее слушает, хотя и морщится. Похоже на то, что она занимает привилегированное положение, какое иногда имеют старые слуги, долгие годы проживающие в семье и незаметно ставшие ее неотъемлемой частью. И тут же вспоминается, что Скарла нянчила еще моего отца, только тогда она была гораздо, гораздо моложе. Теперь – нянчит меня, служа мне и как прислуга, и как телохранительница. На самом деле она очень опасный человек, и не всякий мужчина сможет с ней справиться – даже обученный воин.

Мой отец?! Господи, что я говорю?! Какой такой ОТЕЦ?! Мой отец давно уже умер, и лежит на кладбище под гранитным камнем! А это чужой, абсолютно чужой мужчина, и только мое нынешнее тело может считать его своим отцом, но не я!

Итак, что я имею, разберем по пунктам: после смерти мое сознание перенеслось в чужое тело, в чужой мир. Тело молодое, сколько ему лет…оп! Пятнадцать лет! Мне – пятнадцать лет! Тьфу. ЭТОМУ ТЕЛУ пятнадцать лет. День рождения был полтора месяца назад. И на день рождения отец подарил мне кольчугу, меч, лук со стрелами, кинжал и три метательных ножа. Подарок дорогой, и со смыслом – он намекает, что папаша хотел бы видеть вместо жалкого ботана настоящего воина, которым он и мои братья могли бы гордиться. А не книжного червя, полудурка, который разбирает дурацкие гнилые книги в старой библиотеке, рискуя свалиться и разбить себе башку. Что, собственно, и произошло.

Подытожим: я Альгис Моран Стеран из клана Конто, одного из самых уважаемых и сильных кланов. Три моих имени указывают на благородное происхождение, лишь наследникам кланов позволяется иметь три имени. Императорской семье – четыре.

Только вот до кланового трона мне как до столицы Империи раком – впереди у меня еще четверо братьев, один мужественнее другого. И чтобы я уселся на клановый престол, нужно, чтобы они все перемерли. Что совершенно

сомнительно, потому что моих злобных и туповатых братьев может убить только божественный гнев – всех остальных врагов они просто порубают. Умелые, сильные воины. Я один в семье выродок. Отец не раз говорил, что сомневается – являюсь ли я его родным сыном, и не прижила ли покойная мать меня со своим любимым кузеном, чтобы ему ни дна, ни покрышки! Этот сволочуга так и вертелся вокруг нее, как муха вокруг капли меда!

Мама умерла родами, когда рожала меня. Я ее и не помню. Сестра Анита говорит, что и она не помнит…почти не помнит. Только руки – ласковые, нежные. Отец всю жизнь винит меня, будто бы я сознательно убил свою мать. И не задумывается о том, что наверное не надо было ее заставлять так часто рожать. Каждые год-два по ребенку, это какая женщина стерпит? То ходит с животом, то отходит после родов – какой организм это вынесет? Вот и не вытерпел, сердце остановилось во время родов и больше не запустилось. Не помог даже наш клановый лекарь, маг высшей категории Сильвано Ассанд. Уж чего он только не делал – а не смог ее поднять. Был бы некромантом – другое дело, но…некромантия запрещена законом. Да и на кой черт воскрешать человека, который сделается только лишь злобным тупым мертвецом, годным лишь исполнять приказы хозяина. Бессловесный раб, который через некоторое время просто развалится на части – процессы гниения еще никто не отменял.

Черт подери! Да откуда я все это знаю?! Из меня просто прет знаниями! Это похоже на тонкий ручеек, который пробился через запруду, и размывает дыру все больше и больше. Чем больше знаний вылезает из глубин мозга, тем шире дыра, через которую они просачиваются. И этот процесс бурно развивается!

– Все в порядке, Анита… – шепчу я, чувствуя, как чужие, ранее незнакомые слова заставляют мой язык изощряться в их произношении. Мало знать слова, мало воспользоваться знаниями – нужно еще и умение. Привычка применять это самое знание! Это все равно как знать о метании ножей все, что можно об этом знать. Но попробуешь метнуть, и…полный облом! Мышцы-то не помнят. Мышцы не знают! Мало ли, что у тебя в голове – великие знания, тело-то не тренированное! Так и язык для произношения слов.

Сестра обняла меня, и я вдруг почувствовал запах пота, смешанного с благовониями. И подумал: «Черт подери, а у них случайно тут не как в просвещенной Европе средних веков? Я не хочу завшиветь и давить вшей, вытряхивая их на полированную столешницу! Может здесь все-таки моются? По крайней мере – на это надеюсь!»

Мда…что касается быта, вне службы – я всегда был ужасно брезглив. И чистоплотен просто до патологии. При первой же возможности – помыться. Сменить носки, трусы. Почистить зубы. Не пить из общей бутылки – если есть такая возможность. Для дела я сделаю что угодно – землю буду жрать, из мусорных бачков питаться! Но как только вернулся с задания, дома – я совсем другой человек. И терпеть не могу женщин, от которых плохо пахнет. У меня сразу пропадает желание. Коллеги за глаза (я знал!) называли меня Чистюлей. Забавно, да – чистодел – Чистюля.

Впрочем – сестра не входит в перечень потенциальных любовниц, так что тут мне не стоит морщить нос. Да и не так уж сильно от нее пахнет – попахивает, да и только. Тут нет водопровода, и нет горячего душа – вон как меня «помыли» – обтерли тряпочками, и все! Так что нечего особо морду-то воротить! Надо привыкать.

– Госпожа, молодому господину надо поесть! Силы восстанавливать! – объявила Скарла, и Анита заторопилась:

– Да-да, не буду мешать! Выздоравливай, Альги! Набирайся сил!

Она ушла, а я остался сидеть на краю кровати, раздумывая обо всем сразу, и ни о чем. Мысли разбегались, голова чугунная – думать совсем не хотелось. А хотелось поесть, и очень сильно. Надеюсь, когда готовили еду, соблюдали хотя бы элементарные правила гигиены? Очень уж не хочется разболеться животом! Кстати…интересный вопрос – а где у них тут туалет?

Глава 2

Еда меня порадовала. Нет, не скажу, чтобы это были какие-то изыски, о которых я читал в старых романах, немало при этом поматерившись в адрес проклятых королей – один только пирог с соловьиными язычками чего стоит! Только представить – сколько надо было убить соловьев, чтобы вырвать у них язычки и сделать пирог! Вот она, европейская культура, мать-перемать!

Не было и каких-то экзотических фруктов, что вообще-то следовало ожидать – в конце концов я же в чужом мире! Где быть экзотическим фруктам, как не здесь? Все было достаточно просто, и одновременно изысканно: на серебряном блюде три перепелки, и явно не выращенные в клетке. Огурцы, помидоры (что меня удивило), нарезанный соломкой жареный плод, очень напоминающий картошку (небось, она и есть), только на вкус чуть послаще. Засахаренные фрукты – небольшие красные яблочки, очень напоминавшие «китайку», свежие теплые лепешки по типу земных, мед, масло – свежепахтанное, а еще – два кувшинчика, в одном, судя по запаху, пиво, в другом…неужто вино?! Пятнадцатилетнему отпрыску – вина?

Налил из кувшина в высокий стакан из толстого стекла, оказалось – это вода, подкрашенная вином. И очень хорошо! Помню, начитался о средневековых чудесах вроде чумы и всякой такой прелести. Упала крыса в колодец, и нормально там разложилась. А крыса чумная! И понеслось…всюду трупы и веселящиеся на трупах горожане («пир во время чумы» – откуда взялось выражение?), знающие, что скоро их черед помирать, а потому решившие напоследок как следует погулять.

Кстати, очень даже понимаю этих людей. Сам такой! Так вот – чтобы избавиться от заразы, лучше разбавить воду вином. Чистую воду здесь вообще не следует пить. Мы на службе для обеззараживания кидали в воду специальные таблетки. Они не очень хороши для печени, зато ты можешь пить воду из любой лужи, не боясь, что заработаешь понос или чего еще похуже. Когда ты на забросе, будешь рад встретив и поганое болото – источник воды, без которой проживешь максимум три дня. Для сравнения – без еды можно протянуть месяц и больше.

Пиво оказалось слабеньким, но вполне приятным. Только газа в нем совсем мало, можно сказать – и вовсе нет. И это тоже нормально – наше, земное пиво перед продажей активно газируют. Настоящее пиво такое и будет – минимум газа, и чуть горьковатый привкус, доказывающий, что в пиве очень даже приличная плотность компонентов. Люди, привыкшие пить всякие жидкие брандыхлысты, и не поймут, скажут – фууу!

Впрочем, насчет газировки пива я могу и ошибаться – не специалист. Но точно знаю, что на Земле его дополнительно газируют. Не хватает естественного насыщения газом. Пенится мало, и вообще…с газом вкуснее.

Сожрал перепелок – только за ушами пищало! Вкусные, гады! Травку какую-то туда положили, что-то вроде рукколы. Люблю пряности, и прочее острое. Желудок у меня на этот счет всегда был луженый, ел такое острое, от которого у других людей дым шел из ушей. Вот и тут – какой-то перец, руккола, еще что-то. Явно полито соусом. И соль. Хорошо, что они едят с солью! Помню, что в средние века соль была чуть ли не сокровищем, целые соляные войны разыгрывались, люди тысячами гибли за право обладания солеварнями! Даже деньги делали из соли!

Много пива пить не стал. Честно сказать, не любитель я этого пенного напитка. Ну так…в жару выпить ледяного, в запотевшем стакане! А чтобы напиваться, да еще и запивать им всю еду? Нет, это не по мне. А вот вода с вином пошла. Подкисленная ледяная вода – прекрасно!

Так-то я бы и от зеленого чая не отказался…с лимончиком, но где его тут взять? Может они и вообще чай не пьют, а задавать подозрительные вопросы, привлекать к себе лишнее внимание – это было бы глупо. И опасно. И так я здесь на положении полудурка – не от мира сего. А если признают идиотом – посадят на цепь и будут поливать холодной водой – вроде бы так в средние века лечили сумасшедших? Как представлю себя в темном сыром подвале прикованным цепью – так и мороз по коже. Лучше сразу сдохнуть.

Прислуживала мне одна из девчонок-рабынь. Подливала мне вина, пива – стаканов было два – убирала с тарелки обглоданные косточки. Ухаживала так истово, что становилось ясно – дай ей волю, она будет обгладывать кости, жевать мясо и вкладывать пережеванное мне в рот. А то еще и проталкивать пальцем в глотку – лишь бы господину было хорошо. С одной стороны это приятно, и забавляет, а с другой – как-то и неловко. Не привык я к такому вниманию, на мой взгляд – совершенно излишнему.

После трапезы, когда девчонка убирала тарелки, не удержался и хлопнул ее по тугому заду, тут же почувствовав через тонкую ткань, что под туникой у девчонки нет ничего, кроме ее натурального тела. Тела без протезов, силикона и всяких таких земных несуразностей. Округлости – самые что ни на есть природные!

Девчонка на мой шлепок как-то странно пискнула, отшатнулась, посмотрела на меня совершенно ошалелым взглядом. Странно. То ли у них такое обращение не принято с рабынями, то ли от меня не ожидали эдакой резкости.

Кстати, пока ел – думал, и очень усиленно. Когда еще думать, если не во время еды? Информация поднималась из глубин мозга, впитывалась, перемешивалась с моей информацией, и я в очередной раз поймал себя на том, что моя личность смешивается, растворяется в личности предыдущего хозяина тела. Или его личность растворяется в моей – это уж как посмотреть. Я не знаю, куда он делся, почему его личность исчезла…могу только предполагать, строить версии. Итак, что такое личность – это совокупность информации, накопленной организмом за период существования его в этом мире. Куда она делась? Возможно, что личность распалась после удара по голове, рассыпалась на «кирпичики», и я, появившись в этом теле, послужил чем-то вроде ядрышка, вокруг которого образовалась новая личность, состоящая из меня прежнего – семидесятилетнего служаки, воина с пятидесятилетним стажем, и юного парнишки, пятнадцать лет своей жизни проведшего среди нынешних реалий. Как делают шары для снеговика? Надо взять маленький снежок и начать катать его по липкому снегу. Снежок становится все больше, больше, больше…и превращается в огромный шар. Так и здесь произошло нечто подобное.

Конечно, сравнение натянутое – психика, личность человека слишком сложны, чтобы дать им определение и подвести под них какие-то каноны. Но ведь хочется как-то объяснить происшедшее, упорядочить, разобрать по полочкам! Мой разум рационального человека двадцать первого века не верил ни в бога, ни в черта, ни в какие-то мистические чудеса. И вот – я столкнулся с чудом, хотя тысячи раз было говорено: «Каждому воздастся по его вере!». Я не верил в загробный мир, в переселение душ, и что? Сижу вот, отдуваюсь, переваривая перепелок, смотрю на мелькающие в разрезах туники ножки рабыни и соображаю – как это меня угораздило попасть, и самое главное – куда.

После обеда пришел тот самый мужчина в синем, которого я видел во время первого пробуждения. И теперь я точно знал его имя: маг-лекарь Сильвано Ассанд. Работает на отца уже много лет. Звезд с неба не хватает, но лечит довольно-таки неплохо, излечивая самые опасные для жизни раны и болезни. Насколько помню – мужик неплохой, ко мне всегда благоволил…хмм…не ко мне, конечно, а к тому, кто управлял ранее этим телом! Но теперь я буду думать о парне, как о себе. Слишком много теперь во мне от Альдиса, и самое главное – тело.

Так вот, Сильвано всегда ко мне относился лучше, чем к моим братьям. Он неодобрительно отзывался о тех, кто калечит и убивает людей, считая это занятие самым лучшим и самым великим занятием в мире. А я с его точки зрения

хороший пример того, как даже в грядке с сорняками может вырасти прекрасный огурец. Я люблю книжки, тянусь к искусству лечения, разбираюсь в травах и самое главное – имею редкий, и очень полезный лекарю талант – управляю растениями. Что кстати еще больше бесило моего папашу – тот самый кузен, который якобы умудрился соблазнить мою мать, как раз и владел магией земли. А способность управлять растениями относится именно к магии земли. Ведь растения сидят в земле, состоят из земли, и уходят в землю. Кстати, та самая запрещенная законом некромантия – тоже один из разделов магии земли. Покойники ведь уходят в землю! Управляющий землей – управляет и покойниками!

Мда…все мои братья и сестра – владеют магией огня, как и положено наследникам клана Конто, а я…изгой, отщепенец! Максимум, что могу сделать – поджечь свечу или разжечь костер. И для моей родни мои способности на одной доске со способностями однорукого инвалида, у которого отрубили ноги. Много ли он наработает одной рукой, и далеко ли уползет на своих обрубках? В общем – я домашний урод. И всем за меня стыдно. Кроме сестренки, которая меня любит. И то, подозреваю, только потому, что она все равно такой же отщепенец, как и я – потому что женщина, и потому что скоро покинет Клан, выйдя замуж за того, с родителями которого сговорится мой отец. То есть – она здесь ненадолго, и меня понимает лучше других.

Вообще, конечно, у клановых женщин положение – не позавидуешь. Замуж они практически никогда не выходят по любви. Главное в замужестве – выгода Клана, главное – упрочение его положения в Игре Кланов. Приблизиться к трону, обрести влияние на Императора – вот главная задача Клана, и женщины для этого просто разменные монеты. И тут нет места сантиментам – каждый из наследников Клана должен понимать свою ответственность за судьбу родной семьи, и делать все от него зависящее, чтобы принести Клану как можно больше пользы. А какую пользу может принести дочь? Конечно же – упрочить связь с одним из влиятельных Кланов. И тут главное не прогадать…

Справедливости ради – не все для женщин вышедших замуж за наследника другого Клана заканчивается так уж плохо. Умная женщина потихоньку прибирает к рукам своего мужа, нашептывая ему на ухо днями и ночами то, что считает нужным, и немало Кланов фактически управляются женщинами, номинально являющимися лишь инкубаторами для производства потомства. (про инкубаторы – это уже размышления землянина) И что характерно – эти Кланы с женским руководством нередко процветают не хуже, а то и лучше воинственных

кланов с ярко выраженными патриархальными чертами!

Женщина вообще-то не может быть главой клана – согласно Кодекса Чести – но в истории бывали случаи, особо отмеченные поправкой к этой статье закона, когда женщина, оставшаяся единственной представительницей наследников клана становится его главой. До тех пор, пока не рождается наследник мужского рода, и пока он не входит в разум, достаточно развитый для управления столько огромным хозяйством. Обычно это бывает в пятнадцать лет – пятнадцатилетние юноши здесь считаются вполне дееспособными и совершеннолетними. Их можно набирать в солдаты, они могут подписывать документы от своего имени, их могут казнить, как взрослого за совершенные ими преступления – например, «за злоумышление против Императора». Дети младшего возраста казни не подлежат, их благородно отправляют на вечную каторгу – в рудники, или на плантации. Империя так гуманна!

– Приветствую, младший наследник! – церемонно сказал Сильвано, усаживаясь на край кровати и беря меня за руку (Я после обеда тут же завалился на постель в поисках нирваны – имею право! Иль тварь я дрожащая?!) Как твои успехи? Как здоровье?

Очень хотелось ответить ему в стиле пса Шарика: «То лапы отваливаются, то хвост болит, а то вот шерсть начала вылезать!» – но тут же благоразумно заткнулся. Представляю, как вытянулось бы его лицо. Ведь мультика о Простоквашине он не видел! Тут же запишет в сумасшедшие.

Кстати, что-то меня пробивает на хулиганство. Что-то я у себя семидесятилетнего не замечал особыхз попыток схохмить и поклоунничать. Это уже мое новое тело чудит, а еще – растворенный во мне Альгис. Пацан ведь! Ему бы все похулиганить, позабавиться. Кстати – я таким же был в пятнадцать лет. Может это мое пробивается? Только молодое? Говорят же – мужчины до самой смерти хулиганистые мальчишки.

– Все у меня хорошо, могу ходить, и наверное бегать – отвечаю я со всей возможной искренностью.

– Он слопал три перепелки и выдул кувшин воды! – сдает меня Скарла, появившаяся как из-под земли – да на нем поле вспахать можно! А еще – девок щупал! Хе хе…

– Девок щупал?! – Сильвано удивленно вскинул брови – Вот как! Раньше, насколько я помню, ты не отличался особой любвеобильностью. Скорее наоборот! Шарахался от девок, как от огня!

Черт! Мой предшественник – гомик?! Мне только этого не хватало! Даже настроение испортилось. Покопался в себе, порылся в «файлах», облегченно вздохнул – нет, не гомик. Просто ему было неинтересно. Кстати – вот и причина писка той девки. Все равно как статуя взяла, да и хлопнула ее по заднице. Этот парнишка до пятнадцати лет дожил девственником! Ох ты ж…и в чем дело? Почему такой низкий уровень тестостерона? Нет, ничего подобного, не низкий. Этот юнец брезговал местными девками, теми же рабынями, на которых может залезть кто угодно из его семьи. Те же братья, например. А братья шастают и по борделям – это считается в порядке вещей – мужчина должен посещать такие заведения. В общем – собирают всю заразу и переносят ее на своих рабынь, наложниц. И после братьев пользоваться грязными девками?

Хмм…чистюля! Ха ха ха…может потому меня к нему и притянуло? Мы с ним похожи! Я тоже Чистюля! Правда, не такой патологический, как он…

– Все меняются – усмехнулся я – может, повзрослел? Вот и девок заметил…

– Может, и повзрослел… – задумчиво сказал лекарь, глядя мне в глаза – Эдак завтра пойдешь и мечом махать! Как твои братья.

– Придется – пойду! – вздохнул я, переведя взгляд в крышу балдахина – Но пока что мне это не интересно.

Кстати сказать – мне и правда было неинтересно. Махать мечом – что может быть глупее? Ох, и навоевался я! Досыта! До блевотины! Хочу покоя. Хочу забраться в огородик, сидеть, и смотреть, как растут мои травки. Как тянутся к небу мои деревья. Не хочу войны!

– А что интересно? – продолжал упорствовать лекарь, и я снова уперся в него взглядом. Чего пристал? Чего тебе надо?! А потом и понял – он тестирует мою личность. Видать есть какие-то подозрения насчет того, что со мной могло случиться.

И он тут же подтвердил мои подозрения:

– Ты все помнишь, что с тобой было? Чем ты занимался до падения? Что любил? Что не любил? Расскажешь мне, чтобы я был спокоен? Я переживаю за тебя, младший наследник…

– А можно без этого официоза? – поморщился я – наследник, наследник…какой я, к демонам, наследник?! Впереди меня толпа братьев, один воинственнее другого – какое тут, к бесам, наследие?! Мне предстоит жить полудурком в тени моих благородных могучих братьев, воинов с самого рождения! А ты будто нарочно взялся напоминать мне о моей незавидной судьбе!

– Знаешь, что я тебе скажу, Альгис – поморщился лекарь – судьба твоя не такая уж незавидная. Ты богат, тебе обязательно выделят содержание – ты хоть и пятый в очереди наследников кланового трона, но тоже наследник. А вот в городе есть люди, которые едят раз в день. А то и через день. И ходят в лохмотьях, а то и голые. А ты ешь на серебре. Потому грех говорить, что судьба твоя очень плоха. Ты в своей жизни ни разу не работал, только развлекаешься и делаешь то, что хочешь. Так что не жалуйся, и не стони, как тебе плохо. Я, между прочим, вышел из семьи небогатого купца, который промышлял дальними разъездами, в одном из которых и пропал бесследно. Мать растила нас одна, выживала как могла. Торговала в лавке, экономила каждый медяк. Выучила нас! Я вот – стал лекарем, магом, использовал все свои возможности. Живу безбедно, да – так за свою работу получаю! Людям помогаю! И ты мог бы приносить людям пользу – у тебя способности мага-лекаря, да еще и мага-ботаника, тебе ли жаловаться на судьбу?! Я вот не могу лечить и выращивать растения! А ты можешь! Тебе можно только позавидовать! Итак, все-таки ответь на мои вопросы – повторить их?

– Не надо, я помню… – буркнул я, собираясь с мыслями. И правда – а что я люблю, и что не люблю? Ну-ка, помогай, база данных!

– Я не люблю жареное сало. Терпеть не могу жареный лук, у меня от него изжога – начал я задумчиво, очень надеясь на то, что эти воспоминания принадлежат Альгису, а не земному человеку – Терпеть не могу нечистоту. Грязное тело, запах пота и вонь изо рта – это все вызывает отвращение. Боюсь дурных болезней, которые распространяют грязные девки, потому никогда не интересовался шлюхами (брови лекаря приподнялись). Люблю, чтобы одежда на мне всегда была чистой, чтобы пахло цветами, чтобы девушки были чисто вымытыми, выбритыми, и прополоскали рот. Не люблю убивать (правда не

люблю!), не люблю войну (только дураки и маньяки ее любят!). Люблю читать, люблю узнавать новое. Люблю возиться в саду, копаться в земле, выращивать экзотические растения. Да, я помню, как со мной случилась эта неприятность. Я встал ногой на полку, а она оказалась подгнившей. Сломалась, и я полетел на пол. Боялся, что сломаю позвоночник. Что со мной было, господин Сильвано?

– Ты раздробил себе череп, и мне пришлось сращивать его заново – вздохнул лекарь – если бы меня не было рядом, ты бы никогда не очнулся. Даже сейчас я опасаюсь, что эта травма не прошла для тебя даром. Возможны провалы памяти, могут пропасть воспоминания. После такой травмы люди перестают узнавать близких. А еще – у них случаются приступы падучей. Скорее всего, это тебя не коснется – я постарался, вложил в тебя много сил и умения, но…всякое бывает! Если заметишь что-то странное в своем поведении, отличающееся от прежнего – ты мне сразу сообщи. Я постараюсь тебе помочь. А в остальном…ты можно сказать здоров – гуляй побольше, ешь, пей…девок щупай, если захочется, почему бы и нет? В конце концов девки для того и сделаны, чтобы их щупали! А насчет дурной болезни – а я на что? Да ты и сам можешь соорудить нужное снадобье, на это у тебя умения точно хватит. Ну ладно, хватит мне рассиживаться – пойду. Хочу сегодня в город съездить – надо прикупить компонентов снадобий, да и навестить кое-кого. Так что…давай, крепни!

Ага…кое-кого! Небось, к девке пойдет! Вряд ли в бордель, хотя… Кстати, а мой предшественник ни разу не был в борделе – по причине своей патологической брезгливости. Впрочем, и я не любитель пользовать шлюх. Хотя и приходилось, когда находился на нелегальном положении. Все со шлюхами – и я со шлюхой. Потом намывал себя, тер мочалкой, чуть кожу не снес. Противно! Сколько до меня с ней мужиков было? Соблюдали они гигиену, или нет? Нет уж…как кто-то сказал: «Я сплю только с замужними женщинами, и еще чтобы муж мне нравился». Цинично, но суть тут ухвачена.

– Старые сапоги надень, и старый камзол! – проскрипела Скарла, глядя на то, как я сползаю с кровати – Сейчас ведь побежишь как ненормальный в свой сад! Все люди, как люди – из лука стреляют, на конях скачут, мечом машут, а ты? Травкам нашептываешь! Ох, непутевый ты, непутевый! Бросил бы ты эти книжки, все зло от них! Не полез бы на полку, и башку бы не разбил!

– Надо мне – и полез – буркнул я, и оглянулся по сторонам – А где этот старый камзол взять? И рукавицы! Мне же не голыми руками в земле копаться!

Камзол мне тут же принесли, и даже помогли надеть. Уже другая девчонка, постарше и повыше. И не такая симпатичная, но все равно я снова возбудился, под радостное хихиканье Скарлы. Развлекается она, понимаешь ли! Ну да, гормоны кипят, и что? Повод для веселья?

Пока шел в сад, думал о том, что у меня есть сейчас два пути развития. Это как бы точка бифуркации, развилка. Я могу продолжить вести ту жизнь, которую вел мой предшественник, то есть стать незаметным ботаником, не участвующим ни в каких семейных мероприятиях, касающихся войны и тому подобных безобразиях. А могу объявить, что наконец-то я одумался и взялся за ум, а конкретно – обучаюсь владению мечом, стрельбе из лука, мечтаю срубить как минимум пару тысяч голов неприятеля, и хочу устроить свальный грех с толпой грязных девок, одна грязнее и дурнее другой. Тогда я стану своим для «моей» семьи, и тогда меня перестанут считать полудурком. Вот только в этом случае полудурком считать меня буду я сам.

Итак, что выбрать? Плыть по течению, стать как все, или продолжать гнуть свою линию, наплевав на последствия? Нет, мои дорогие…плевал я на вашу воинственность, на вашу «честь Клана», на ваши потуги приблизиться к Императорскому престолу. Я хочу жить тихо, как мышка – сидеть себе в норке, и не пищать.

Правду сказал лекарь – а чего мне переживать? Кусок хлеба всегда будет, крыша над головой…а что мне еще надо? Кусочек земли в саду, чтобы посадить мои травки! Библиотеку – чтобы найти какую-нибудь запретную книжку. Запретную не потому?что в ней нарисованы акты совокупления мужчин и женщин, а потому, что в ней содержатся запретные знания! Те знания, которые стоят дороже всех кольчуг и мечей на свете! Только дураки думают, что сила в мече. Сила в разуме, дорогие мои дуболомы. Научившись владеть запретной магией, я стану сильнее всех. И тут главное – не попасться.

* * *

Клаш! Клаш! Клаш!

– Кий-я!

– Стоп! Альдис, поди сюда! Альдис! Не делай вид, что не слышишь! Лекарь сказал, что ты здоров! Отец велел тренировать тебя вместе со всеми! Сюда иди! Иначе отец разгневается и будет тебе будет плохо!

Будет, точно. Папаша отличается крутым нравом и абсолютной безжалостностью. Однажды он посадил меня…Альгиса – в комнату-карцер и продержал там целую неделю. Всего лишь за то, что я не смог выучить четыре сутры из Кодекса Чести, как он мне приказал. Все это время кормили меня только кашей на воде и поили простой водой. Да, с тех пор я выучивал все сутры. А в один прекрасный день выучил ВЕСЬ это проклятый Кодекс, который нахрен мне не нужен! Весь!

А помогло мне в этом опасное, гадкое, болезненное снадобье, о котором прочитал в одной старой книжке, лекарском трактате тысячелетней давности. Называется снадобье: «Эликсир памяти номер три». Почему взял третий номер? Потому, что рецепты первых двух оказались уничтожены плесенью и крысами. Прожорливые твари сожрали самое начало книги, так что «Эликсир памяти номер два» и «Эликсир памяти номер один» безвозвратно утеряны.

Ну…наверное – безвозвратно. Кто знает, может где-то и хранится такая же старая книга на старовсеобщем языке? Чем черт не шутит…

Так вот, «номер три» отличался, со слов автора эликсира, некими побочными эффектами. Например – головной болью. А еще – поносом. Когда учил это проклятый Кодекс – постоянно бегал в туалет, сжимая ладонями раскалывающуюся от боли голову. И что характерно – ни от поноса, ни от головной боли не помогали никакие снадобья. Ибо эти недомогания вызваны не природными причинами, а наведенными на меня собственными чарами.

Нет, так-то можно было бы снять боли магией, позвав на помощь лекаря-мага, но тогда эффект от снадобья памяти тут же бы совершенно исчез – об этом недвусмысленно сообщал лекарский трактат.

Почему я не использовал всем известный эликсир, именуемый «Снадобье памяти»? Да потому, что эффект от него кратковременный, час, не больше, и очень слабенький. Не сравнимый с «Эликсиром номер три». Тот действует сутки. И запомнить с «тройкой» можно с первого раза – даже такую нудную дрянь, как Кодекс. Теперь меня посреди ночи разбуди, спроси, что сказано в шестьдесят

седьмой сутре – и я тебе сразу же отбарабаню: «Каждый воин должен следить за целостностью кожных покровов своих ног…» – ну и так далее. Вплоть до самой последней сутры, гласящей, что воин не должен есть огурцы, запивая их молоком. Кстати, какой идиот это придумал?! Внести такое в сутры?

Все смотрели, улыбались, ждали, когда я подойду. Здесь были мои братья, а еще – бойцы из замковой стражи. Часть потомственные стражники, часть – наемники, пожелавшие присягнуть клану за приемлемое жалованье. Самому молодому лет столько же, сколько и мне, старший – седой, грузный, могучий стражник Сигур, который катал меня на своих плечах, когда я был маленьким. Он подмигнул мне ободряюще, а я только вздохнул, подходя к мастеру над оружием Кендалу Оугу.

Кендал – высокий худой, длиннорукий мужчина лет сорока, признанный Мастер-мечник, а также умелый, на уровне того же Мастера, боец-рукопашник. Длинные руки, жилистое худое тело делали его похожим на богомола, а двигался он с такой скоростью, что любому из наблюдателей становилось ясно – этого типа можно убить только исподтишка, из лука либо арбалета. Боже упаси сталкиваться с ним в честном бою один на один!

Оуга несколько раз пытались переманить в другой Клан, но каждый раз у вербовщиков ничего не получалось. Кендал дал обет служить Клану Конто, и честно выполнял свой воинский долг – как это предписано в самой первой сутре Кодекса. Оуг был одним из самых честных людей, которых я знал. Прямой, как палка, несгибаемый, как перекаленный клинок. Его можно убить, но нельзя согнуть. Такой вот он уродился – пример к подражанию молодым воинам. Говорю это без иронии – если бы все люди состояли из таких, как Оуг – не было бы ни интриг, ни козней многочисленных врагов, да и врагов не было бы никаких – в этом я уверен на все сто процентов.

– Приветствую, Младший Наследник! – мастер над оружием отсалютовал мне деревянным тренировочным мечом, и я вздохнул, предвкушая, что сейчас будет.

– Приветствую, мастер Оуг – упавшим голосом ответил я – Мне бы не хотелось…

– Братец, всем плевать, что тебе хотелось, а что нет! – захохотал Третий Наследник Корд – Отец приказал, чтобы тебя тренировали! Чтобы у тебя меньше времени оставалось на глупое ползание по гнилым книжным полкам! Так что бери бокан, становись в строй и занимайся, как и все!

– Да, Младший Наследник – бесстрастно подтвердил мастер Оуг – Глава Клана приказал призвать тебя, как только ты будешь в силах стоять на ногах. Так что прошу тебя встать в строй, выполняя распоряжение Главы.

– Но я еще не в силах! – канючу, чувствуя как окончательно портится настроение – Я и бокан-то не удержу! Я еще не до конца вылечился!

– Вот тут и вылечишься…от своей дури! – хохочут братья, ласково помахивая темными тренировочными мечами из железного дерева. Им смешно, точно – поймали придурка, и сейчас его будут гонять. А мне не до смеха – меньше всего я хотел бы сейчас прыгать по двору под палящим солнцем, держа в руках тяжеленную палку. И в самом деле – не готов еще к таким перегрузкам! Но попробуй, докажи это отцу! Самодур – он и есть самодур. Самодуржавие, вот стиль правления нашего Клана! Впрочем, надо признать, как и любого другого.

Иду к навесу, где на стойках располагаются тренировочные мечи, выбираю себе по руке (они разной длины и разного веса), встаю в строй перед таким же как я по росту и возрасту парнишкой из стражников. Он таращит на меня глаза, веснушчатые щеки розовеют – то ли на солнце перегрелся, то ли переживает от осознания шанса врезать по кумполу одному из Наследников. Мне собственно плевать, что он там себе думает. Главное не встать в пару к одному из братьев – тот точно не преминет устроить мне хорошенькую порку. Без синяков не обойдется.

Странно так – я-Фролов ведь никогда не держал в руках тренировочного меча бокана. И вообще мечи для меня – киношный атрибут. И вот поди ж ты – машу этим мечом, будто так и надо. Руки-то помнят! Может для братьев я и совершенно бездарный придурок, но вот для этого мальчишки-стражника, которому вряд ли больше шестнадцати-семнадцати лет, я наверное где-то на уровне мастера. Ну, может не мастера, но мечом орудую гораздо ловчее, чем он! Даже умудрился разок выбить меч из его рук – когда в конце тренировки нам позволили небольшой спарринг.

Кстати, как ни странно – а мне понравились занятия с мечом. Это Альдину они были глубоко безразличны, и даже противны, а я, видавший виды землянин, с удовольствием сейчас позанимался. Занятия в тренажерном зале гораздо более трудоемки, особенно, если тебе уже семьдесят лет. Но ведь я пересиливал себя!

И еще: я всегда любил единоборства, разбираюсь в них на уровне черного пояса, так что мне было бы очень интересно посмотреть – чему учат здешних бойцов. Вот только демонстрировать то, что я умею – думается, пока что нельзя. Чувствую, что лучше бы не высовываться, и остаться в глазах моей родни тем, кем я сейчас являюсь – ботаником, неспособным проявить себя в бою.

После занятий я шел в свою комнату едва волоча ноги. Устал! Да, все-таки Альдис не шибко утруждал себя физическими упражнениями. А может это последствия удара по голове? А что – слабость, пониженный жизненный тонус, одышка – разве это не может быть следствием тяжелого ранения? Ведь запросто может!

Пока шел – передумал идти в свою комнату. Завернул за угол и потащился в старую часть замка, которая практически не использовалась. Туда, откуда меня недавно притащили буквально на руках – в Старую Библиотеку.

И не пройдя и ста шагов в коридоре наткнулся на стражника, преградившего мне дорогу! Что это за хрень?!

– Прости, Младший Наследник, но Глава Клана запретил посещать эту часть замка.

– Я Наследник! Какого демона?! – я подступил к стражнику в упор, съедая его взглядом. И правда, какого черта?! Это и мой замок тоже! Я Наследник Клана!

– Извини, но насчет тебя Глава отдал отдельный приказ – не пускать! А если ты станешь настаивать, или попытаешься воспользоваться колдовством, чтобы убрать меня со своей дороги, доложить Главе для принятия мер. И велено тебе передать, дословно: «Никакой библиотеки! Запрещаю ее посещать под страхом наказания!» Вот так, Наследник…

Глаза стражника смотрели на меня пристально, и в них я не видел ни насмешки, ни угрозы. Мне кажется, он меня даже жалел. И это почему-то бесило меня больше всего. Как они все смеют?!

Я ничего не сказал. Развернулся, скрипнув зубами, и быстрым шагом пошел прочь, по направлению к своей комнате. И куда только делась усталость?! Шаг был легким, бесшумным – сейчас шагал не Альдин, сейчас шагал Чистюля –

«чистодел» и «чистильщик», за плечами которого сотни исполненных целей.

Только дойдя до самых дверей моих апартаментов, я немного пришел в себя, и даже удивился – а чего меня так возбудили слова стражника? Этого и следовало ожидать. Я неосторожно подверг опасности свою жизнь, а потому отец принял единственно верное решение, чтобы уберечь своего неуклюжего и непутевого сына от неминучей гибели – закрыл эпицентр опасности для его посещений.

Честно сказать, старая библиотека и в самом деле была источником повышенной опасности. Прогнившие полки, заполненные тяжеленными книгами, тронутыми тлением, провалившиеся местами деревянные полы, из-под которых вылезали крысы, объедавшие кожаные переплеты древних собраний мудрости. Отец всегда критически относился к ученым мужам, считая их бесполезными болтунами, отнимающими время и деньги у наивных аристократов – любителей науки. Единственными учеными, которых он признавал, были лекари-маги, и маги, занимающиеся исследованиями в области боевой магии. То есть те ученые, которые работают на войну. Остальных – «ботаников» – он откровенно презирал. О чем не раз и не два сообщал громогласно, при стечении множества слушателей и почитателей.

Я не вошел в апартаменты. Постоял, раздумывая, около минуты возле двери, и…пошел по коридору дальше, туда, где в стене был вделан туалет. Да, именно в стене – дыра, и в ней оборудован деревянный сортир – со стульчаком, все, как полагается. Дырка – прямо над рвом, наполненным водой. Конструкция ничем не отличающаяся от таких же – но только в земных замках, где на стенах до сих пор видны наросты и натеки средневекового дерьма. Цивилизация, однако! Ватерклозета тут нет, как нет.

Нет, я не пошел в туалет. Повернув вдоль стены, дошел до тупика, в котором находилась как у нас говорят – «бендешка», то есть подсобное помещение, кладовка, в которой хранили метла, веники, тряпки для мытья полов и всевозможной конструкции швабры. Сейчас тут никого не было – это помещение использовали редко, даже сдается мне – совсем не использовали. Были бендешки и поближе к жилой части этого крыла замка, и не одно тако помещение.

Я вошел в бендешку, предварительно оглянувшись по сторонам и убедившись, что меня никто не видит, подошел к стене, и выбрав нужные камни нажал на них одновременно, как следует упершись ногами в каменный пол. Камни,

каждый размером с человеческую голову, мягко, плавно, хоть и не без усилий – ушли в стену, которая задрожала и повернулась на девяносто градусов, открывая глазам узкий, пыльный проход, из которого сквозило едва заметным ветерком. Я вошел, снова нажав нужные камни, и стена за моей спиной медленно закрылась, замуровав меня внутри прохода так, как если бы я был погребен в склепе.

Помню, как впервые попал сюда, и как испугался, будучи замурован этой стеной. Мне сразу вдруг стало казаться, что теперь отсюда никуда не выберусь, то я похоронен заживо, и что моя дурная башка наконец-то привела меня туда, откуда я никогда и ни за что не выберусь. Паника! Слезы из глаз! Чуть сознание от страха не потерял. Но…успокоился, и стал вспоминать расположение стенных ходов – куда ведут, где выходы, и где входы. Часто выходы и входы на старой карте не совпадали. Войти можно было в одном месте, а выйти – в совершенно другом.

Самое интересное, что о ходах в стенах никто и не знает – кроме меня. Когда я нашел в старой библиотеке план замка Орис (так называется наследственный замок Клана Конто), и сумел отыскать расположение входов в тоннели, а также узнать, как их открыть – был потрясен так, что ходил под впечатлением находки неделю, не меньше. Думал, мечтал…а потом решил пойти к отцу и все рассказать. Ведь это невероятно важно! Мало ли что может храниться в толстенных перегородках замка – я не исследовал и десятой части тоннелей! И кроме того – случись беда, в замок ворвутся враги – защитники могут укрыться в стенах и незаметно перемещаясь разить неприятеля, будто живые мертвецы, поднявшиеся из земли!

Отец не дал мне даже слова сказать, не дал раскрыть рта. Он набросился на меня с упреками в том, что я очень слаб в мечном бое, что в боевых искусствах рукопашного боя меня может победить даже помощник конюха, и что я вообще никчемный, никому не нужный огрызок, неспособный создать даже самый маленький огнешар. Я стоял как оплеванный, смотрел на человека, который считается моим отцом, и думал о том, как мне не повезло.

А еще, с тоской, о том, что из всех существ, которые живут в замке, у меня только один настоящий друг, который никогда меня не унижает, не оскорбляет, и не поучает.

Лекарь? Нет, я не могу назвать его своим другом. Во-первых, он гораздо старше меня, и сам не замечая того, постоянно сбивается на тон поучения. Лекарь хорошо ко мне относится, но друг ли он? Нет, не друг. Хороший знакомый, не более того.

Скарла? Со старухой я так до конца и не разобрался – кто она мне. Иногда она просто несносна – издевается, подхихикивает (как сегодня, к примеру), рассказывает обо мне какие-то гадости, не особо заморачиваясь тем, чтобы сберечь мою ранимую душу. С другой стороны – она за меня порвет любого, кроме моего отца – все-таки она его тоже воспитывала, любит, как и меня. Друг она, или нет? Наверное, все-таки – нет. Другу я доверил бы любую тайну, и он бы меня не выдал. А Скарла? Не знаю. Не хочу рисковать.

Наверное, оно и лучше, что я не сумел рассказать отцу о своем открытии. Теперь я могу ходить по замку абсолютно беспрепятственно, и спрятаться, когда захочу. И никто из челяди не сможет меня разыскать. Испытано.

Подождал, пока глаза привыкнут к якобы кромешной тьме. Ждать пришлось довольно-таки долго – после солнечного полудня, где я как идиот скакал с палкой в руках, мои глаза адаптировались к темноте медленнее, чем обычно. И это притом, что я некогда выпил снадобье, которое увеличило чувствительность моих глаз к свету. Так что я в темноте вижу если не на уровне кошки, то однозначно получше, чем обычный, стандартный человек.

И кстати – не раз об этом пожалел. Теперь мне гораздо труднее находиться на ярком солнце, можно сказать – это для меня настоящая мука. Даже слезы начинают литься из глаз! Что опять же вызывает радостный смех у моих недоброжелателей, то есть – у всего гарнизона замка. Ну как же – Наследник, и плачет, как девчонка! Хуже девчонки!

Мда…странное ощущение. Я – это и Максим Фролов, и одновременно – Альгис Конто. Кого во мне больше? Фролова? Его жизненный опыт больше, его груз лет в несколько раз больше. Но тело принадлежит Альгису! И как бы я не сопротивлялся влиянию тела – оно минута за минутой, час за часом, день за днем меня подминает! И теперь я воспоминания Альгиса воспринимаю как свои!

Я Альгис Фролов, и никакого раздвоения личности. Абсолютно никакого. Только иногда Фролов смотрит будто со стороны и удивляется тому, что с ним

происходит. И снова растворяется в теле Альгиса. Уверен, через совсем недолгое время я сольюсь с Альгисом полностью, навсегда, и тогда…хмм…а что будет тогда? Что будет, если в мягкого, доброго парня подсадить сознание жесткого, даже жестокого бойца, который долгие годы прожил так, как и не снилось самым воинственным воителям этой Империи?!

Не знаю, что тогда будет. Сделанного уже не воротишь. Кто-то, или что-то нас вытрясло из своих тел, бросило в квашню и круто замешало получившееся тесто. И что теперь из нас получится, какой пирог…покажет только время.

Тьма постепенно рассеялась, и я медленно пошел вперед, стараясь не топать и не шаркать подошвами по каменному полу. Расстояние между стенами для меня вполне даже достаточное – какой-нибудь плечистый великан шел бы здесь согнувшись и обтирая пыль с каменной кладки, а я иду свободно, можно сказать – как на прогулке. В субтильной комплекции есть и свои преимущества. Кстати, я и на Земле не отличался особо крупными габаритами. Сила не в мышцах, сила в жилах. И скорость. Великаны, увешанные диким мясом обычно очень медлительны. «Обычно» – потому что нет правил без исключений. Я знал толстяков, который двигались с такой скоростью, что могли дать фору многим из жилистых и худых мастеров. Природа любит издеваться над людьми…

На самом деле в тоннелях не было непроглядной тьмы. Гениальный архитектор сделал так, что свет снаружи все-таки попадал в пространство переходов. Однажды я решил разобраться, откуда же сюда попадает свет, каким образом, и после долгих поисков все-таки разобрался: в мощной каменной кладке есть небольшие, практически невидимые глазу отверстия, выходящие в коридоры и комнаты всего замка. Во-первых они служат для вентиляции – дышать-то как-то надо! Должна быть вентиляция!

Во-вторых, освещение. Как бы ни мало поступало света через эти отверстия, но свет все-таки поступает, и можно двигаться в тоннелях без риска обнаружения. Если зажигать в переходах свет – например факелы, или магические светильники – вдруг кто-то это заметит? Через те же вентиляционные отверстия. Опять же – запах горящих факелов чувствуется за десятки метров.

Но самое главное (как я считаю), через эти отверстия, если иметь достаточно острый слух и как следует его напрячь, можно слышать все, что говорят там, за стеной. Как это сделал неизвестный мне архитектор – могу только догадываться. Но звук через эти маленькие отверстия доносился очень четко,

хоть и совсем негромко.

Эх, отец, отец! Надо было тебе меня выслушать! А не орать, как потерпевший после ограбления! (да, это уже Фролов вещает!)

Шел долго, минут пятнадцать, ориентируясь по меткам, оставленным мной на поворотах лабиринта. Наконец – подошел к казалось бы глухой стене, нашел взглядом нужные камни, нажал в определенной последовательности – вначале дважды камень слева и выше, потом справа и ниже, затем снова левый камень. Стена стала бесшумно поворачиваться, открывая проход, я проскользнул в него, хлопнул рукой по стене рядом со входом. Толстая плита так же мягко повернулась и встала на место, оставив меня в настоящей, кромешной тьме.

Я не знаю, кто строил эти переходы. Так и не сумел найти ни имени строителя, ни даже узнать временной период, когда все это было построено. Судя по легендам, замок Орис настолько древний, что с ним не может сравниться даже императорский замок в столице Империи Ассан, нашей дорогой Империи. Возможно, что в Союзе Королевств есть такие древние замки, но у нас он все-таки древнейший. И по легендам, в которых как и всегда проглядывают отголоски настоящей истории, замок построила какая-то древняя раса, та, что существовала ДО людей за много десятков тысяч лет назад. Люди просто заняли пустующее место, тот же замок, облагородили, обустроили под себя – не особо заморачиваясь кардинальной перестройкой всего огромного строения, и живут себе, поживают, совершенно не интересуясь тем, что было в тысячелетиях до них. Только такие выродки как я интересуются историей мира, чихая от пыли, сыплющейся из старых фолиантов и древних свитков. Кому она нужна, эта история, кроме книгочеев-ученых? Все что ушло – ушло! Из праха вышло, в прах опустилось! И без этого хватает забот…чтобы целыми днями думать о том, кто построил твой дом, и зачем. Есть дом, есть крыша над головой – живи, и радуйся, что жив! Ох уж эти ученые бошки…лучше бы думали о чем-то насущном, важном!

Я усмехнулся – это почти один в один слова моего отца, человек вроде и неглупого, но…какого-то однобокого, недалекого…настоящего солдафона! И слышал я это все столько раз, что уже и не смогу сосчитать – сколько. Всю свою жизнь.

Говорю в пространство заветное слово: «Огс!» – я не знаю, что оно значит. Просто набор слов. Просто код, который необходим, чтобы зажегся светильник.

И он зажигается. Небольшой, сантиметров пяти в диаметре, и не очень яркий – белый шарик кажется чем-то вроде небольшой звезды в приближении миллиона километров, и я поспешно отворачиваю от него лицо, чувствуя, как опять у меня потекли слезы. Да что же это такое! Хоть слезные железы вырезай!

Топчан, покрытый толстыми одеялами (Одну рабыню выпороли за них – куда подевала?! Она их вывешивала сушиться. Не сильно пороли, так, пять ударов плетью, но плакала. Я переживал). Стол, сколоченный из досок. Полки, тоже из досок. Моя гордость – это я сам все сделал! Своими руками! И это было трудно. Нет, не сколачивать, и не пилить – скрыть следы своей работы. Надо ведь натаскать досок, гвоздей, упереть молоток, топор, ножовку! А все это стоит денег, все на учете! Народу перепороли – человек двадцать. Так и не нашли – кто же это разжился инструментом. Но куда мне деваться? Как иначе скрыть свою деятельность?

Облегченно опускаюсь на топчан, оглядываю полки, заполненные старыми, потрепанными книгами. Улыбаюсь. Хорошо! Только тут я в можно сказать «в своей тарелке». Только тут мне хорошо и славно.

Чувствую возню, слышу попискивание. Протягиваю руку, и по ней, блестя красными бусинками-глазами бежит здоровенная ухоженная крыса. Вернее – крыс.

– Привет, Анур! – говорю я, счастливо улыбаясь – соскучился? Сейчас я тебя угощу!

Достаю кусочек лепешки, кладу на ладонь. Анур ест – быстро, но аккуратно. А глаза следят за мной – он всегда настороже.

Я нашел его в одном из переходов. Как он туда попал – не знаю. Крысы всегда находят себе дорогу, иногда думается – они умеют телепортироваться. Как Анур выходит из моей тайной комнаты, запертой с двух сторон тяжелыми каменными плитами? Ну не магия же, в самом-то деле!

Он был сильно изранен, и я буквально физически почувствовал, что крыс изготовился к смерти. Любой из людей замка просто наступил бы на него каблуком. Хрусть! И нет поганой зверюшки! Я так не могу. Я же выродок. Я такой же белый крыс, как и он. Моя стая тоже меня не принимает, белого ублюдка, все

время норовит меня погрызть. Так что…мы с ним почти братья, а убивать братьев нельзя!

Лекарской силы у меня немного, не сравнить с нашим лекарем-магом – ее, эту силу, надо развивать, надо учиться, пить специальные снадобья, целыми днями делать упражнения и лечить больных – но все-таки она у меня есть. И уж на маленького крыса точно хватит. И хватило. А когда он вскочил на свои тоненькие ножки и посмотрел на меня, я положила на пол руку с раскрытой ладонью, и предложил: «Пойдем со мной?». Анур помедлил секунду…и запрыгнул мне на ладонь. Потом забрался на плечо и сидел так все время, пока мы не пришли в мою комнату.

С тех пор он вырос, раздобрел, стал настоящим взрослым крысом. Но так и остался моим другом. Единственным другом, единственным существом в замке, которому я верю.

Глава 3

Огромная комната. Даже непонятно, как такую большую комнату умудрились спрятать от обитателей замка. Впрочем…что значит – умудрились? Войти в нее можно только через потайные ходы из тоннелей в стенах, выйти…ну так же и выйти. А то, что ее не нашли – так для того и существуют тайные комнаты, чтобы их было трудно найти.

Для чего ее такую придумали? Здесь можно укрыть роту солдат! Сто пятьдесят человек поместятся – и даже без особого труда. Если притащить сюда воды, еды – можно безвылазно сидеть в засаде сколько угодно. Только вот куда ходить по нужде…

Сбросил сапоги, растянулся на постели. Светильник заливает потолок мертвенным белым светом, не доносится ни звука. В ушах звенит. Читал, еще давно – в полной тишине мозг человека, лишенный звуковых раздражителей, начинает слышать фантомные звуки – вот откуда берется этот самый звон.

Когда я вышел на эту комнату, сразу решил – вот оно! Моя! Мое логово! Это было…хмм…три с чем-то года назад. Тогда я и начал оборудовать свое обиталище, вначале сам не зная – зачем. Видимо подсознательно хотелось, чтобы у меня было такое место, которое никто не сможет найти. Совсем никто! С тех пор здесь многое изменилось. Появился топчан, на котором я могу поваляться и поспать. Появились полки – грубые, но абсолютно соответствующие своему предназначению. Появилась…как там она называется? Здесь она называется анар, у нас…макивара! Вот! Макивара! Боксерских мешков здесь нет, так что приходится ограничиваться этой штукой. Помню, как Альдис…я ее делал: сшил из украденной старой кожи что-то вроде мешка, набил его конским волосом (кстати – это была самая сложная задача. Не набить, конечно, а найти, где этот волос взять). Пришлось поискать книги – как эти самые макивары устроены. Оказалось – кто как хочет, так их и делает. Есть просто обтянутые кожей по дереву, есть мягкие…относительно мягкие, как у меня. Почему я сделал мягкую? А зачем мне разбитые костяшки пальцев? Зачем мне дурацкие мозоли на этих же самых костяшках? Да и вообще – я же ботаник! Никто не должен знать, что я тайком тренируюсь в единоборствах. Это просто унизительно для меня!

После того разговора, когда отец обрушился на меня с обвинениями в никчемности, я как и полагается одинокому, обиженному мальчишке – поплакал, порыдал, а потом…потом решил доказать всем этим негодяям, что я лучший. И лучший во всем! Правда – надолго меня не хватило, но занимался все эти годы регулярно – два, три раза в неделю. Бил макивару, отрабатывая удары, метал ножи, проделывал упражнения с мечом – с деревянным, а когда отец подарил настоящий – и с настоящим. Правда с настоящим всего один раз. Слишком заметно, когда ты уходишь гулять по замку с мечом в подмышке. Повесить же его на пояс – засмеют. Все равно как на корову надеть седло.

Вот теперь я понял, откуда у моего предшественника, вернее у его тела – вполне развитые, крепкие мускулы. Да – он гладкий, чистый, привык жить в комфорте, но под белой и гладкой кожей довольно-таки тренированные мышцы, которые работают соответственно возрасту парня, а может даже и лучше, чем у обычного пятнадцатилетнего. А его вид абсолютного ботаника – суть самая настоящая маска, которую он носит не без удовольствия, про себя потешаясь над незадачливыми родичами, неспособными проникнуть под облик недотепы и понять его настоящую суть.

Эх, жаль, что парень погиб! Надеюсь, в новом воплощении он получит то, чего заслуживает – почет, уважение, счастливую семейную жизнь. Ну а я постараюсь продолжить его дело – жить так, как он хотел. Ведь зачем он носил эту маску? Затем, что дурачка, неумеху, недотепу никто не пошлет на войну, никто не возьмет в набег на соседний клан, никто не потребует от него того, что он не хочет делать. Например – время от времени братья Альдиса казнили преступников, нарушивших законы Клана, а также врагов, которых посчитали невыгодным обратить в рабство. Не всегда, но казнили. Зачем? – спросит незнакомый со обычаями этого народа человек. А затем, что господа, правители земель, если выносят приговор, должны иметь в себе душевную силу и суметь привести приговор в исполнение. А еще, и это говорю уже я, Фролов – омыть Наследников кровью, чтобы они ее не боялись, чтобы всегда были готовы снести голову неприятелю и не заморачивались какими-то морализаторствами и общегуманными принципами. Нет человека – нет проблемы. И только так!

Я, то есть Альгис – ни разу никого не казнил. И это тоже было предметом насмешек. Я сразу сказал, что если будет война, опасность для Клана – пойду как все, и буду воевать. Но чтобы рубить головы беззащитным? Я не палач, и не мясник.

В общем – скандал был несусветный, папаша вопил, братья вопили: «Значит – что, ты считаешь нас мясниками?! Мы палачи?!» Да, палачи! О чем я им и сообщил.

Фингал и сломанное ребро вылечил лекарь – всего через полчаса. Но зато больше ко мне никто не приставал, не требовал рубить башку, или кого-нибудь вешать на перекладине. Тоже мне…моду взяли – самолично казнить! Только представить – Президент России пошел бы расстреливать какого-нибудь негодяя. Смешно ведь! Нет смертной казни? Будет…к тому все идет. И правильно. Штаты не отменили смертную казнь, а мы вон чего, передовые, понимаешь ли! Содержать всю эту шваль – маньяков-убийц и педофилов-растлителей. Впрочем – теперь речь не о Земле. Все, кончилась для меня Земля!

Отдохнув, встал с топчана, аккуратно сняв с груди сытого и довольного крыса и положив его на топчан. Все это время он спал, укачиваемой моей поднимающейся вверх-вниз грудной клеткой. Довольный такой, толстенький. И чего их женщины боятся? Симпатичная зверушка. Если свой.

Подошел к макиваре, нанес несколько резких, проникающих ударов в болевые точки. Хорошо! Двигаюсь быстро, ничего не болит, суставы не щелкают, пятнадцать лет – это тебе не семьдесят!

Минут пятнадцать истязал макивару, ускоряясь, превращая серию ударов в подобие вулканического извержения. Это когда летят раскаленные, смертельно опасные бомбы, и нет от них спасения. Главное – не заморачиваться на подготовленных сериях. Противник не должен догадываться, какой удар будет следующим. Бить из самого неудобного положения, без замаха, без кружения вокруг своей оси – как изображают это в дурацких голливудских фильмах о боевых единоборствах. Все просто, эффективно, и смертельно. И не выпускать противника из поля зрения ни на долю секунды!

Получается на удивление хорошо. Пока у меня не поднялись со дна памяти основные воспоминания, я считал бывшего владельца тела абсолютным ботаником, неспособным дать отпор, неспособным на активное сопротивление. Жалкая личность, точно. А оказалось – он не трус. И совсем даже не неумеха. Он сосредотачивался, ждал своего момента. Оружие наготове, дух крепок – держись, подонки!

Кстати, ведь он собирался сбежать из дома – как только повзрослеет, и как только сумеет добыть более-менее достаточную сумму денег. Достаточную для жизни и организации бизнеса. Уехать, и жить под чужим именем – лечить людей, выращивать редкие растения, жениться, завести детей – нормальных, без этой тупой агрессивности в черепной коробке. Жить – как обычные люди. Ему ведь совсем немного надо – поесть, попить, крыша над головой. И книги! Много, много книг!

Расправившись с макиварой и немного разогревшись, отправился к мишени, в которой торчали пять метательных ножей разной формы и размера. Ооо…с ножами была еще та история! Упереть метательные ножи у такого строгого Мастера над оружием – это была еще та задача! Пришлось готовиться к ней очень серьезно. Во-первых, найти заклинание, которое отводит глаза. Во-вторых, потратить много сил на изготовление снадобья, на которое, собственно, и наводится заклинание отвода глаз. И в-третьих – перенести последствия действия этого заклинания – а именно: головную боль, депрессию, слабость и ломоту в костях

Почему такие заклинания настолько тяжело переносятся? Почему нет абсолютно безболезненных заклинаний третьего уровня? Этого я не знаю. И никто не знает. Есть гипотеза, что организм человека сопротивляется наложенному на него заклинанию, и в результате получает травмы различной степени тяжести. Так себе версия…не объясняющая практически ничего. Впрочем – о магии никто ничего не знает. Дали ее боги, она работает, а как работает – это только богам известно. И на всех действует по-разному. Кто-то ее вообще не замечает, а для кого-то магия – болезненная, труднопереносимая штука.

Вытащил ножи из мишени, сделанной из сложенных вместе чурбаков, отошел на пятнадцать шагов и один за другим методично переправил снаряды в центр мишени. Легко, привычно, без каких-то особых усилий. Я-Фролов прекрасно разбираюсь в метании ножей, лопаток, штык-ножей, томагавков и любой острой потенциально летающей хрени, вплоть до столовых вилок и крестьянских серпов. И вот что скажу: у парнишки великолепное чувство расстояния, уверенная, набитая рука, и нет ни малейшего сомнения в том, что нож попадет в центр мишени! Мышечная память в купе с умением меня-Фролова…мы бы с Альгисом могли выступать на соревнованиях метателей!

Кстати – это надо уметь сделать так, чтобы на людях постоянно мазать мимо мишени, или бить ножом в нее плашмя. И это притом, что парень может засандалить узеньким, похожим на рыбку-уклейку ножиком прямо в глаз противнику на расстоянии семи-десяти метров абсолютно без промаха! Ну ты Альгис…и фрукт! Черт подери, это уже гордыня какая-то! Изображать из себя неумеху и тайно смеяться над своими обидчиками! Неужели в этом есть свой «фан»? Ну ладно бы среди врагов, среди чужих людей – я вот постоянно прикидывался эдаким растяпой, абсолютно безобидным ботаном, неспособным нанести кому-либо серьезный вред, но я-то был на службе! Я работал! Моя маска служила делу, без этого никак! А ты для чего это делал?! Ты-то никому не служил, кроме себя!

Я еще покидал ножи, восстанавливая рефлексы, которые могли работать не так как положено после травмы и после переселения душ, убедился, что я-Фролов управляет новым телом так же, как его прежний хозяин, а то и получше…и оставив ножи торчать в мишени занялся гимнастикой.

Разминался, растягивался минут пять, обнаружив у парня завидную, в сравнении с Фроловым гибкость. У меня и в молодости не было такой гибкости, а в семьдесят лет – и подавно. Приятно ощущать себя молодым и здоровым! Кровь

бурлит, упругие, прочные мышцы растягиваются, повинуясь командам, сжимаются в тугие комки, и ты можешь делать со своим телом такое, что никогда не придет в голову человеку на склоне лет. Я легко закладываю ногу за шею – обе ноги, черт подери! Делаю поперечный шпагат, не рискуя порвать связки, и машу ногами, как завзятый балерун! Мда…крут парень, ей-ей крут!

Потом бой с тенью. Вначале по его правилам, так, как он это разучил. Красиво, да. Балет, да и только! Небось, девушкам бы понравилось. Вон как я крушу невидимых противников! Только разлетаются клочками мглы!

А потом бой с тенью под водительством Фролова. И тут – никакой изысканности, только подлые, коварные, и…смертельные удары. Никакого балета. Ноги выше пояса не задирать, никого не вырубать – сразу бить насмерть. Перебить гортань, проломить висок, выбить глаз, разбить гениталии – и потом добить, чтобы не рыпнулся. Эх, мне бы такую гибкость и скорость в том бою с гопниками! Ну как, как я мог пропустить этот дурацкий удар?! Пусть их было много, ну и что?! Мастера должен занимать только один вопрос – где он их всех будет хоронить! Остальное его не интересует! Эх, старость, чертова старость…все-таки придется ее признать.

Впрочем – а чего я так переживаю?! Ну да, Альдиса жалко, парнишка раньше времени сгинул. Хороший парнишка, я это уже точно знаю. Но зато я жив! У меня молодое, здоровое, развитое тело, и все еще впереди! Мы еще повоюем!

Выхожу через другую дверь, в дальнем конце зала. Алгоритм нажатия обычный – два камня, один камень. Если не знаешь – никогда в жизни не откроешь. Тот план замка с тоннелями, дверями и алгоритмами нажатия я хорошо спрятал, никто и никогда его не найдет. Был позыв уничтожить план вовсе, но рука не поднялась. План прожил тысячи лет, его рисовали с любовью и тщанием – кто я такой, чтобы уничтожать раритет? Пусть живет. Вдруг у меня отобьет память и мне придется ее воскрешать! В тот день, когда я запоминал Кодекс Чести, я запомнил и план замка. Теперь могу легко воспроизвести его и в уме, и на бумаге.

Тоннель открылся легко, как и всегда. Механизмы тысячелетней давности работали безупречно. Мне кажется – и здесь не обошлось без магии. Вряд ли какой-нибудь обычный механизм, сделанный из металла, смог бы продержаться столько сотен, а может и тысяч лет. Ладно, механизм – а энергия для воздействия на механизм откуда-то ведь должна была взяться? А откуда? Какие

батареи могли продержаться тысячи, а может и десятки тысяч лет?

Впрочем – я наверное такой же дикарь, как и мой предшественник. Те, кто жил на этой земле до нас, похоже что были гораздо, гораздо более умелыми, развитыми, умными – чем обе цивилизации вместе взятые. Иначе я все происходящее объяснить не могу. Предтечи были крутыми парнями.

Прошел до перекрестка тоннелей, сверился с картой в голове. Подумал, подумал…и вместо того чтобы повернуть направо – повернул налево. Дошел до поперечного тоннеля…еще поворот направо. До следующего – поворот налево. Уткнулся в стену, замер, прислушиваясь. Ага…говорят! Ухо к дырочкам…

– …господин, вы все слишком к нему пристрастны. Мальчик хорошо сложен, у него отменная реакция. Я сегодня наблюдал за ним – так вот, мне кажется, что он может достичь большего, но почему-то скрывает свои способности.

Оп-па! Вот это да! Мастера над оружием не проведешь! Ай-яй…прокололся я сегодня!

– Какие способности, не смеши меня! Он позор семьи! Лучше бы он там, в библиотеке остался…

– Господин, как ты можешь так говорить? – голос Оуга был бесстрастен, но чувствовалось, мужчина раздосадован – Альгис хороший мальчик. И не его вина, что он уродился таким…каким уродился. Он твой Наследник! И если что-то случится с твоими старшими Наследниками, именно он продолжит ваш род!

– Не дай боги…не хватало мне такого Наследника… Ладно, Оуг…я тебя вот зачем вызвал: через неделю мы поедем в столицу, нас вызывает Император. Я ожидаю хороших вестей. Возможно, мы приблизимся к трону Империи, я стану одним из Советников. Ты останешься с гарнизоном, держать оборону замка. Главный по обороне – ты. Само собой, Управляющий с нами не едет. Ардор уже предупрежден. Сбор урожая закончился, вассалы уже должны были продать излишки, так что займись сбором налогов. С должниками не церемонься, что-то мы их совсем распустили! Пятеро вассалов задолжали уже за год!

– Говорят, в местности Ессен был неурожай – так же бесстрастно продолжил Оуг – Эти пятеро не смогут выплатить весь долг. Их крестьяне на грани голода, и

вассалам пришлось даже раскрывать свои закрома, чтобы выдать зерно для посева. Мне кажется не стоит их совсем уж зажимать.

– Хочешь заплатить за них? – голос Главы Клана стал резким и неприятным, хотя казалось бы – куда еще неприятнее! (Не нравится мне этот самый…папаша!) – А если не собираешься, то исполняй то, что тебе приказано! Собери налоги! Даю тебе разрешение на любые действия! Хоть на деревьях их всех перевешай! Но деньги выжми!

– Слушаюсь, господин – снова бесстрастный голос мастера над оружием – Кто поедет с тобой? Сколько человек возьмешь?

– Достаточно двадцати. Для свиты достаточно. Кроме того – буду я, будут четверо моих сыновей, владеющих магией – разбойники нам не страшны. Пираты – тоже. Я нанял большой корабль, уместимся и мы, и лошади. За неделю доберемся. С тобой останутся две сотни гарнизона – вполне достаточно для защиты замка и сбора налогов.

– Господин, а что с Младшим? Он поедет с вами?

Пауза…затем ответ:

– С нами. Хоть мне это и неприятно. Император приказал представить ему всех моих сыновей. Всех! А значит, это не обсуждается.

– Опасно оставлять замок без магии. А если степняки нагрянут? Сейчас самый сезон! Они в это время обычно и совершают свои набеги. А если соседи решат напасть, узнав, что вы в отъезде? Ваш отъезд ведь не скрыть!

– Кендал…верный мой Кендал! Император приказал – как мы можем противиться его воле? Держись! Если что – можешь обратиться за помощью к дружественным Кланам Арман и Союти. Но это если совсем уже станет туго. У меня с ними договор. Вот только потом они все равно выставят счет, так что если есть возможность – управляйся сам. В крайнем случае – найми людей в городе, сейчас войны нет, так что там болтается куча наемников. Казначею я уже дал указание на этот счет.

– А если ты и в самом деле останешься в столице, станешь Советником – кто будет управляться в замке? Кто встанет вместо тебя?

– Первый Наследник, конечно. Он вполне разумен, а кроме того – я не собираюсь упускать поводья Клана из своих рук. Ты будешь доносить мне все о замковых делах, о том, как управляются сыновья.

– Как и казначей?

– Как и казначей. У него свое направление, у тебя свое. Я знаю, что у тебя неприязнь к Вагу, и совершенно напрасно. Он, конечно, совсем не посланник Небес, но дельный управляющий и приносит хорошую прибыль.

– Он мошенник! Он разоряет вассалов, разоряет крестьян! Это ведь он тебе напел о том, что надо как следует потрясти пятерых вассалов? Уверен – это он. Ему лишь бы деньги вытрясти, а потом будь хоть пустыня! И свой интерес поиметь.

– Ты преувеличиваешь, Кендал. Все, иди, свободен.

Молчание. Я подождал минуту, и только тогда оторвал ухо от стены. Вот так новости! Если отец уедет жить в столицу – мне будет легче, или нет? Как сложится жизнь при Первом Наследнике? Кстати сказать, удивительно, что Мастер над оружием так хорошо обо мне отзывался. Мне казалось, что он презирает меня так же, как остальные. А вот видишь как оно вышло…

Иду по переходам, практически не думая – куда именно шагаю. Опомнился только тогда, когда очутился в очередном тупике, у выхода, который ведет в библиотеку. Так меня туда и тянет! Так и хочется вдохнуть запах старых книг!

Странно вообще-то…нелогично себя ведет папаша. Если я ему не нужен, какого черта он не пускает меня в библиотеку? Хотя…и тут можно найти логику – Император желает видеть всех Наследников Клана Конто, а потому…вдруг я разобьюсь так, что не смогу ехать в столицу? Шею себе сломаю, например. Хмм…и что? Папаша не сможет объяснить Императору, что я почил в бозе и лежу в склепе на семейном кладбище?

Нет, тут что-то иное…неужели это просто мелкая пакость младшему сыну? Неужели Глава Клана опустился до такого мелкого безобразия? Да не может быть…они же люди чести! Воины! По сутрам живут! И всегда могут объяснить, почему отошли от буквального исполнения этой сутры. Ну, например, сутра 2 гласит: «Воин должен быть честен со своими соратниками, никогда не предавать, и не расторгать договора без веской причины». Что, не обманывают? Не расторгают договора просто так, потому что стало невыгодно его соблюдать? Да больше чем достаточно! Жулик на жулике, и жуликом погоняет! Лицемеры чертовы! «У меня были веские причины расторгнуть договор! Какие веские причины? «Я увидел сон, что этот Клан хочет на меня напасть!» Веская? Веская причина! Боги послали сон, в котором предупредили! Воин ведь не врет, сутра запрещает ему врать!

Вспомнилось: «Джентльмен хозяин своего слова. Дал слово – забрал обратно!» Это точно про наших клановых «друзей». Вечно друг другу глотки грызут, вечно собачатся! Что им, земли мало, что ли?! Да ее еще даже не всю обработали! Степняки мешают? А почему бы не заключить с ними договор, торговать, обмениваться чем-нибудь выгодным для торговли? «Они не люди!»? «Как можно торговать с животными!»? Слышали, ага.

Ох уж эти идиоты…нет, все-таки в моем мире, на Земле, вояки будут поумнее, чем здесь, в мире магии. Или мне так только кажется? Что я, не встречал идиотизма в войсках? И в первую Чеченскую, и вторую – такого насмотрелся! Вот на кой черт было загонять танки в город безо всякого прикрытия? Неужто не знали о том, что танк в городе, если с ним рядом нет взвода прикрытия – мертвая мишень?

Прислушался – в коридоре за стеной тихо. Никого. Открыл проход, выскользнул за стену, тут же закрыл дверь. Готово! Пока мне везет, за все эти годы ни разу не напоролся на случайного свидетеля. Кстати, а что буду делать, если напорюсь? Не убивать же мне его? Хмм…а может и правда – убить? Чтобы не разболтал (ла)?

Нет, не смогу. Фролов бы смог. Я – помесь Фролова и Альгиса – не смогу. Наверное – не смогу. Если только мне не будет угрожать опасность. Такая опасность, что не до сантиментов.

Пройдя по обычным коридорам метров двести (Огромное здание, огромное! Даже не здание – это комплекс зданий!) – вышел прямиком в сад, и проследовал

туда, где располагался мой огород. Тут мне хорошо, тут я чувствую себя не менее комфортно, чем в закрытой от глаз тайной комнате. Будто заряжаюсь энергией от самой почвы.

Хмм…заметил – не сказал «земли». Не Земля это, чувствую. Во всеобщем языке этого мира, планета, на которой живут люди, так и называется: «Мир». Дешево, и со вкусом. И почва, как на Земле имеет несколько названий, начиная опять же с «почвы», и заканчивая «миром». Есть название и для грязи, и для болота – я автоматически, когда слышу эти слова, перевожу их на русский язык. Как и меры расстояния, к примеру. Здешние «ли» перевожу в километры. Кстати, они практически не отличаются. Полторы тысячи шагов – это «ли». И те же полторы – километр.

Растения в грядках слегка увяли под безжалостным белым солнцем Мира. Если бы не вода реки Кана – все было бы гораздо печальнее. По ней, по этой реке, через неделю мы и поплывем до океана, а потом, вдоль побережья материка – до столицы. На корабле плыть в столицу и комфортабельнее, и быстрее. Да и безопаснее – тоже. Когда путешествуешь по суше, всегда есть шанс нарваться на разбойников. Пустят стрелу из-за куста, и кончится твоя дальняя дорога. Даже если с тобой маг-лекарь, все может закончиться очень плохо – со стрелой в башке еще никого не воскресили. Если только это не были некроманты.

Зову садового раба, надзирающего за посадками в моем огороде. Он с готовностью подбегает, склоняется передо мной и спрашивает, что угодно господину. Господину угодно, чтобы огород как следует полили, и раб снова уносится, истово изображая быстрый бег. Рабам вообще-то запрещено ходить пешком, вразвалку – если только это не домашние, привилегированные рабы, такие как альковные рабыньки и моя Скарла, то ли нянька, то ли слуга, то ли телохранитель.

Пока раб бегает за водой, я сосредотачиваюсь, протягиваю руки к огороду и начинаю выпускать из себя Силу, как бы накрывая этот клочок земли магическим покрывалом. Магия впитается в землю, подпитает корни растений, стволы, листья – растения станут толстыми, сочными, больше наберут полезных свойств! Жаль, что я не владею магией воздуха – можно было бы пролить дождь…

Впрочем – и без этого я работаю с растениями в высшей степени хорошо. Во-первых, я умею придать растениям особые свойства, каких у них никогда не

было. Могу сделать съедобное растение ядовитым, и наоборот – из ядовитого сделать вкусную пряную травку. Главное – этого захотеть и подкрепить желание магией.

Во-вторых, могу вырастить растение из семечка до взрослого состояния буквально за считанные минуты. Вот только толку от этого растения будет мало. Чтобы оно набрало силу, чтобы в нем собрались полезные свойства – растение должно сидеть в земле по крайней мере неделю. Я даю толчок росту семени, семя ускоренно прорастает, растение набирает силу Мира, и…я его через неделю срываю. Без магии оно до взрослого состояния за неделю не вырастет, но на то и я – самый что ни на есть настоящий маг-ботаник. Презренное для воинов существо.

* * *

Терпеть не могу семейные ужины! Весь день все бегают по своим делам, тренируются, тешат свое чувство собственной важности, а вечером (если нет важных клановых дел) – должны собраться на ужине. Ритуал такой! ПапА сидит во главе стола, сыновья и дочь – по ранжиру, начиная с Первого Наследника. В хвосте как ни странно – не я, Анита. Женщина не считается такой важной особой, чтобы обойти на повороте даже такое ничтожество, как я. Ее место – последнее.

С другой стороны стола, по левую руку – приближенные Главы Клана. Первым сидит конечно же Кендал Оуг. И это понятно – от него зависит безопасность Клана, он воспитывает новое пополнение, он хранит оружие и следит за его сохранностью.

Далее – Главный Управляющий. Кендал и Ардор друг друга терпеть не могут, но вынуждены сидеть рядом, ибо – так положено. Статус! Два самых значимых человека Клана. Один защищает, другой приносит доход. И еще неизвестно, кто важнее! Защитников дохрена, а вот денег постоянно не хватает. По крайней мере, папаша все время об этом твердит. В лучшие времена, когда в силе был мой дед, отец моего папани, гарнизон замка составлял не двести, а две тысячи человек. И на все хватало денег. Почему так упали доходы? Почему наблюдается постоянная нехватка денег? Это надо бы спросить у таких, как Ардор. Сдается мне, что папаша увлекся воинскими развлечениями и придворными интригами, вместо того, чтобы как следует заниматься хозяйством. Перепоручил все

Ардору, а что этот Ардор творит – только богам известно. И это говорит не Альгис, которому всегда было наплевать на то, как богатеет Клан. Это Фролов, старый циник, неплохо разбирающийся в экономике, делает предположения, основываясь на той информации, которая содержится в памяти мальчишки.

Все ведь очевидно! Если ты не контролируешь своего управляющего – как ты можешь узнать, какой доход на самом деле получен, и сколько денег прилипло к жадным рукам хапуги? Я не верю Ардору. Типчик скользкий, противный, хотя и очень льстивый. Меня он не обижает, но провести человека с повышенным чувством эмпатии довольно-таки трудно. Я чувствую, как он меня не любит, и как презирает. Да и папашу он в грош не ставит, считая дураком и солдафоном. И кстати – в чем-то я с ним согласен. Увлечение войной еще никогда никого не доводило до добра.

Помню, читал про воинственных аланов. Был такой народ на тех же пространствах, на которых обитали скифы. Так вот: у аланов считалось постыдным умереть не на поле боя, а старым, от старческих немочей и болезней. Мужчины, дожившие до седых волос считались трусами, их не уважали, презирали, всячески третировали. А кто в древности являлся переносчиком знаний? Конечно же старики! А если их нет?

В общем – народ аланов был практически полностью уничтожен более умными и развитыми соседями. Тем более что у этих самых аланов важным считалось только одно, единственное занятие: война, грабежи, набеги. Не помогло то, что они были очень развиты в военном отношении. Не помогла их невероятная храбрость, самоотверженность и презрение к смерти. Последних аланов загнали в неплодородные кавказские горы, где уцелевшие предки народа осетин полностью пересмотрели свое отношение к жизни, и в частности – к старикам. Кстати, возможно выжили как раз те ответвления племени, которые считали мировоззрение алан в отношении старших порочным и ведущим к гибели.

И вот мой Клан. Воинственный, сильный, погрязший в междуусобных войнах как минимум с десятком различных, в том числе и довольно-таки сильных и влиятельных Кланов. Каждый боец нашего Клана, и тем более его Наследники – дадут фору большинству из бойцов других Кланов. Наши боевые умения – лучшие в Империи! И что? Где деньги? Где влияние? Отец никак не может понять, что влияние дают деньги, а не искусное владение мечом, и не размер пущенного тобой файербола.

Следом за управляющим сидит маг-лекарь. Ну, это и понятно – куда же без лекаря? Хороший лекарь ценится как полк наемников! Наш лекарь не сказать, чтобы великий – ноги-руки не отрастит, позвоночник как следует не склеит, но…большинство ран и болезней пользует великолепно. Вот мою башку собрал – спасибо ему. В столицу точно с нами поедет. Папаша заботится и о своем здоровье, и о здоровье моих братьев.

Далее – помощник мастера над оружием, главный конюх, и…в общем-то все. За господский стол допускаются не все. Иногда бывают вассалы, если прибыли как раз к ужину. Но не все вассалы, а самые значимые. Самые влиятельные. Нищую шелупонь сюда не приглашают.

– Кхе кхе! – ага, папаша сейчас что-то выдаст…видать проинформирует по поводу предстоящей поездки. Ну что же, послушаем…

– Я должен вас известить! – голос папаши был звучным, как у хорошего диктора. Типа – Ричард Львиное сердце. Говорят – тот орал так, что лошади приседали. И больше он ничем особым в истории не отметился. Если нет считать крестовых походов, во время которых он бросил Англию на своих фаворитов, вследствие чего та пришла в совершеннейший упадок.

– Через неделю, а именно в шестнадцатый день месяца аврила, мы отправляемся в столицу по приглашению Императора! Со мной отправятся все мои сыновья, лекарь, и двадцать человек охраны. Замок остается под управлением Мастера над оружием и Главного управляющего. Срок нашего пребывания в столице – примерно неделя, возможно чуть больше.

– Отец, что мы там будем делать? – это Третий, мой братец Корд. Он никакой. Не злой, не добрый – он меня просто не замечает. Я для него – пустое место. В принципе – как и Корд для меня. Прохожу мимо и не здороваюсь, как и он со мной. Чужие люди и то ближе.

– Танцевать на балу, тискать девушек, соревноваться с парнями из других Кланов! – с улыбкой, под радостный смех сыновей ответил мой папаша, и как-то сразу посмурнел, когда взгляд его упал на меня. Потом он снова собрался, продолжил:

– А еще – мы представим нашу Аниту Наследнику Клана Союти Арусу. Я договорился с Главой Клана Союти о взаимопомощи и совместных действиях против врагов. Свадебный союз будет заключен в главном храме Богини Любви столицы!

Братья за столом загудели, заулыбались, захлопали по столу ладонями. Их поддержали приближенные – даже Кендал хлопнул по столешнице пару раз, хотя лицо его осталось бесстрастным и серьезным. И я вдруг вспомнил – кого он мне напоминает! Старый фильм «Семь самураев»! Там был специалист по оружию и единоборствам, с лицом худым, как лезвие топора. Он в самом начале фильма в поединке убил одного бахвала, и даже лицом не дрогнул. Кендал не похож на японца, но вот это бесстрастное выражение лица, худоба – все как у того. Он сам как-то сказал, что настоящий, быстрый мечник никогда не бывает толстым. Лишний вес замедляет скорость движения и скорость реакции.

Анита сидела ни жива, ни мертва. Бледная, как полотно. Явно она ничего не знала о предстоящей свадьбе, и перспектива выйти замуж ее совершенно не радовала. И я знал – почему. Не только потому, что она не любила этого заносчивого, наглого, прыщавого придурка. Все было гораздо хуже…

Что на меня нашло – не знаю. Ведь дал себе зарок – не высовываться! Следовать дорогой Альгиса! И на вот тебе! Как бес в ребро толкнул! Я встал, дождался, когда взгляды скрестятся на моей «величественной» фигуре, и сказал, глядя в глаз отцу, пристально, с прищуром уставившемуся на меня:

– Отец, ты же знаешь – Арус подонок и негодяй! Он до смерти замучил свою прежнюю жену, сбросил ее с лестницы! Тебе не жаль твою дочь? Тебе не жаль Аниту? Неужели сомнительный союз с каким-то захудалым кланом стоит жизни твоей дочери?! В душе ничего не шевельнулось? Хочешь ее похоронить?

По мере того, как я говорил – звуки в зале затихали. Замерли даже слуги-рабы, которые выставляли на стол всевозможные блюда (без разрешения отца и молитвы Создателю никто не смел прикоснуться к еде). Тишина. Мертвая тишина! И только поскрипывание кресла под грузным, можно даже сказать – жирным, как боров управляющим.

– Да как ты смеешь?! – голос отца сорвался, он «дал петуха» – Как ты смеешь противоречить отцу, Главе Клана! Как ты смеешь упрекать меня в бессердечии?!

Щенок! Вот она, дурная кровь! Вот она, проявляется!

– А по сути вопроса? Без ругани? – нагло, усмехнувшись перебил я его – Бросаешь свою прекрасную, умную, добрую дочку на съедение шакалу! Совесть есть?!

– Вон! Вон из-за стола! Мерзавец! Иди к себе в апартаменты и не выходи оттуда, пока я тебе этого не разрешу! Вон! Изыди, пока я тебе башку не оторвал, маленький грязный поганец!

Зацепило его, точно. Красный, как рак. Знает! Совесть не до конца потерял. Или все-таки до конца?

Отодвигаю тяжеленный дубовый стул (монументальное соружение!), иду к двери, спиной чувствуя впившиеся в нее взгляды. Вот это я зажег, как говорят сетевые обитатели…вот это я дал прикурить! И плевать мне на вашу еду – я и не особо проголодался. А если и проголодаюсь – что-нибудь все равно найду. На кухне сопру. Небось, не смогут отказать наследнику в куске лепешки, даже такому как я.

– Чего не на ужине? – сварливо осведомилась Скарла, когда я вваливаюсь в комнату, бормоча под нос всевозможные ругательства.

Молчу, не обращаю внимания на служанку. Она пожимает плечами, уходит. Появляется минут через десять – довольная, как объевшийся сметаны кот.

– Молодец! – неожиданно заявляет Скарла – Давно не видела твоего папашу таким разозленным! Все правильно сказал!

– Он всегда был таким? – неожиданно для себя спрашиваю я.

– Каким? – делает вид, что не понимает.

– Вот таким… – перебираю в воздухе пальцами правой руки, пытаясь найти более-менее щадящие определения, потом на всю плюю – Тупым, недалеким, неспособным вести хозяйство солдафоном. Бессердечным болваном, способным отдать свою дочку на растерзание ублюдку, лишь бы кто-то поддержал наш

Клан. Всегда таким был?

Скарла молчит, серьезная, и какая-то даже…торжественная. И сразу видно – женщина стара. Морщины, подвисшая кожа…и только неожиданно голубые глаза на фоне красноватой кожи выбиваются из общей картинки. Молодые, хитрые, умные глаза.

– Нормальным был – вздохнула Скарла, и отвернулась к стене – Как и ты…тоже вот…вырастешь, и станешь болваном. Мужчины, они такие. Пока дети – хорошие, добрые, умные. А вырастут – куда чего только девается. А то, что плохо клановое хозяйство ведет – так это и дураку видно. Вассалы разбежались, остались только самые упертые, да бестолковые. Откуда взяться деньгам? И чем меньше вассалов, тем большим налогом он обкладывает! Ну не дурак ли? Только говорить об этом нельзя. Смотри не ляпни! Он тебя тогда совсем со свету сживет. Никто не любит правды. Ладно, сейчас я тебе что-нибудь поесть принесу…не все же они сожрут!

– Подожди, Скарла! – остановил я ее – Но если все вассалы разбегутся, если не останется ничего, кроме земли – откуда будем брать деньги? Что есть, что пить, на что жить будем?

– Ну…наши-то крестьяне есть. Пока терпят, хоть он их и зажимает – денег ведь не хватает. Рабы опять же работают. На прокорм хватит….если соседи не захотят забрать совсем все. Но от них отобьемся – замок неприступен. Глубокий ров, лестницы не поставишь. Лучники, арбалетчики – быстро всех повыбьют. Опять же – магия огня, это тебе…не просто так! Пятеро магов-огнеборцев много могут наделать дел! Малой кровью нас не взять, потому до сих пор никто так на это и не решился. Ущерб может быть такой, что и за десятилетия не оправятся! Если только объединившись с кем-то… Ладно, хватит болтать – пошла за едой. Кстати, а ты ведь раньше никогда не задавал такие вопросы. С чего вдруг?

– Сегодня задумался, на ужине – соврал я – взрослею, наверное!

– Взрослеешь – серьезно кивнула Скарла – Кстати, может пора тебе стать мужчиной? Хватит уже руку тренировать, пора и с женщиной развлечься! Ты меня беспокоишь, мальчик. Тебе не тянет к мужчинам? Сознайся старой Скарле, я никому не скажу. Поэтому ты прогоняешь рабынь, которых я посылаю тебе в постель? Ведь тебе уже пятнадцать лет! Ты мужчина! Про тебя слухи нехорошие

начали ходить. Одни говорят – ты мужчин любишь. Другие…еще хуже говорят! Може, развеешь слухи? Что с тобой, мой мальчик?

– Они грязные! – буркнул я, чувствуя, как по лицу разливается предательская краснота – От них воняет! И я не знаю – с кем они были до меня. Вдруг какую-нибудь заразу подцеплю? А еще – а вдруг она от меня понесет? И что, мой ребенок будет рабом?

– Удивительно, что ты не знаешь – Скарла посмотрела на меня чуть прищурив глаза, будто просвечивая рентгеном – Рабыни не понесут. Лекарь закрыл их чрево до тех пор, пока не придет их черед рожать. И насчет болезней – откуда они у нас? Рабынь постоянно осматривает лекарь, они ведь денег стоят, кто им даст болеть? Ну а насчет вони…в степи вообще не моются, и что? У нас законом запрещено мыться! Знаешь, почему?

– Потому, что воды мало и вы ее бережете – вздохнул я – Это знает каждый дурак.

– И ты тоже! – ехидно улыбнулась старуха – Все правильно сказал. И что, без мытья степнянки стали хуже? Или наши воины стали слабее потому, что моются только под дождем?

– А ты тогда чего моешься?! – разозлился я – Ну и ходила бы немытая!

– Я испорченная – вздохнула старуха – Я уже не настоящая степнянка. А что касается рабынь…я прикажу принести ванну и наполнить ее водой. Ты вымоешься, рабыни вымоются, и все будет хорошо. Согласен?

– Только после того, как поужинаю! – буркнул я, и растянулся на кровати, сбросив короткие кожаные сапожки. Ноги отдыхали, отдаваясь в организме эдаким гулом и дрожью. Набегался я сегодня, находился. Бурный у меня выдался денек.

Обед появился через полчаса. Перепелок не было, но был здоровенный шмат запеченной на огне свинины, овощи, зелень, опять же вода, подкрашенная вином, обязательный кувшин с пивом…в общем – все как всегда, простая здоровая пища. Даже яблочки в сахаре – и те были.

Только лишь успел поесть – двое здоровенных рабов тащат медную ванну. Не додумались в этом мире до специального помещения, в котором надо мыться. То есть – до бани. Мыло тут душистое, с травами, мочалки есть – натуральные, морские губки. А вот ванной комнаты нет. Впрочем – а может и хорошо, что нет? Идти никуда не надо! Принесут, унесут – хорошо быть в этом мире господином!

Тут же появились две симпатичные молоденькие девицы лет пятнадцати-шестнадцати, практически мои ровесницы, в четыре руки меня раздели, хоть я и слегка сопротивлялся, мол – сам разденусь! И почти на руках отнесли в ванну. Вода горячая – еле рука терпит, я даже начал возмущаться. Но Скарла тут же серьезно заявила, что не пристало взрослому парню пищать, как маленькой девочке. Могут подумать что-то не то! И мне даже в голову не пришло, что абсолютно плевать – кто и чего там подумает. Клал я на них на всех с прибором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/botanik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить